

АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

**ЖИЗНИ
МЕДЛЕННЫЙ СТРОИТЕЛЬ**

СЕРИЯ: 135 СТИХОТВОРЕНИЙ

Алексей Цветков

ЖИЗНИ МЕДЛЕННЫЙ

СТРОИТЕЛЬ

135 стихотворений

POEZIA.US

CHICAGO

2016

Цветков, Алексей. Жизни медленный строитель. 135 стихотворений.

Это книга Алексея Цветкова, замечательного поэта, прозаика, эссеиста, критика и переводчика, интересна тем, что автор предоставил на суд читателя 135 своих стихотворений, написанных в разные годы. Почему сто тридцать пять? Это загадочное и в чем-то мистическое число выбрано благодаря его свойствам: сумма чисел этого числа, помноженная на их произведение, дает в итоге само число. Такого рода числа называются в математике числами Харшада. А еще $135 = 1^1 + 3^2 + 5^3$. Удивительно, не правда ли?

PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA

The Slow Builder of Life

(A book of poetry in Russian)

Authored by Alexei Tsvetkov

7.25" x 9.5" (19.05 x 23.5 cm)

Black & White on White paper

173 pages

ISBN-13: 978-1530015306

ISBN-10: 1530015308

Copyright 2015 by POEZIA.US, Chicago, USA

All rights reserved

Poems ©2016 by Alexei Tsvetkov

* * *

кеннеди кеннеди кинг и прочие жертвы
и с моста в пролом талахачи а смерти нет
билли джо макалистер о ком бобби джентри
пела пока не канула в интернет
в год когда я ждал на бульваре гири
в теремке термитном скорых даров судьбы
антиподы-прадеды с лязгом зубы в супы
упустили и рты утереть забыли
аж до орденских плашек висла слюна
в год когда я дернул к иным пределам
к синему заливу и пылким девам
запевай струна

от рассвета по трайборо вброд до бронкса
до заката на дилерской тачке в тендерлойн
грыжа держит азимут авось доберемся
в путь по солнечной в обратный по теневой
поздних зорь резеда в парнике партийном
муровали в гранит эти челюсти и тела
зимовать потому что смерти нет в противном
случае надо признать что жизнь была
к руслу миссури нимфы на фавнов падки
над cbgb лето прольет елей
мост над синим проломом по радио панки
the kkk took my baby away

погляди меня в гугле господи всех вселенных
если я записан в какой-нибудь их народ
очарованный житель в рощах твоих целебных
дегустатор нимф и редких рифм нимрод
сквозь гикори и гинкго слепящий свет одинаков
сквозь хитон рентгеном костей любой сантиметр
я вернулся открыть вам тайну двух океанов
горизонт безлюден как был и смерти нет
кто затеплил свет перед светом навек в ответе
не уйти в полутьму астроябий и ветхих книг
под окном паркинг-лот на асфальте играют дети
кеннеди кеннеди кинг

* * *

стекла в стрелках дым в трубу
лес одетый в мыло
конькобежцы на пруду
вот и все что было

стрекот ходиков скорей
стриж в лазури лихо
после ловли пескарей
сбор ботвы и лыка

своз соломы на возах
сельские приметы
исчезают на глазах
ветхие предметы

так привидится потом
отчая сторонка
на окне лежит батон
на столе солонка

ночь проспим и время с ней
ни молвы ни толка
станем тише и грустней
жить уже недолго

* * *

клетот из горла ли лепет из чашки петри
осциллограмма легкой капелью пульс
раньше росла трава и птицы пели
нравилось лучше все состоится пусть

гром метеоров в грозу города отважны
всплыть чтобы мокрые звезды рыбьим ртом
все что возможно случится сейчас однажды
пусть никогда никогда никогда потом

в темень струит стволы и в ливень лица
бережный сад к оврагу журчит дрожа
трудно сбывается все что не смело сбыться
страшно и сразу как в сумерки блеск ножа

третий удар тишины и дробью снова
кто там стоишь у ослепшей стены одна
воля твоя велика но вслух ни слова
землю разверзни но не затворяй окна

свернута кровь в рулоны сыграны роли
слипшихся не перечислить лет в душе
сад в соловьиной саркоме лицо до боли
и никогда никогда никогда уже

* * *

на пляже тени влажные ложатся
кружат стрижи и не хотят снижаться
сто шестьдесят девятый день в году
скрипят ворота и орфей в аду

река на букву с и бессловесны
птицеподобья в тучах муляжи
животных на притворном водопое
над всеми кипарисовые свечи
пылают черным правильным огнем
и бабочки как проруби в сетчатке
стократ черней чем допускает глаз
не шелохнуть ушей бесшумной лирой
вот жители умершие из нас
и страшен всем ротвейлер троерылый

он здесь повторно раньше он имел
спецпропуск на какую-то одну
из этих нас но слабо в мелкий шрифт
вчитался и ротвейлер на контроле
вмиг завернул которую привел
тот даже с горя спел по-итальянски
стена в след упущенной добыче
в окошко тыча справку и печать
мол дескать que faró senza euridice
что дескать делать и с чего начать

нас нет никак мы созданы из вздохов
из допущений и негодований
из слез и всхлипов тех кто нами был
на елисейских выселках отныне
где так черны стрижи и кипарисы
и метит камни оловом река
там наверху зачем кадите богу
не возвратится с музыкой жених
из этой бездны где ротвейлер ногу
вздымает над надеждами живых

* * *

проснуться прежним навеки на этих фото
вмиг ориентир на буфет и виски залпом
буржуазно живут но видно вышел кто-то
в красивой стране в июле своем внезапном
словно от старости света день фиолетов
еще догорает тостер и чайник жжется
вниз по стене золотые девки берн-джонса
а бушевал что в жопу прерафаэлитов

к старости вкус снисходительней если телки
щедкость зла и добра откуда что берется
не то что чужая душа своя потемки
или это все-таки я а тот вернется
вот на комодe широкоморд и бледнее
рядом возможно но боже только не это
так загреметь в чужое без пощады лето
жутко как жизнь одинакова но длиннее

куцые тени это точно дальше к югу
снова изящное искусство та же тема
телка в соку и ей скелет клешню под юбку
никлаус мануэль рисунок смерть и дева
только не это боже сердце в кровь о гравий
времени в тусклом стекле лиловее вечер
черный такой в ключьях тлена навек обвенчан
со всеми но не с тобой не с тех фотографий

ваза с розами вдребезги об пол и ладно
жители гасят свет и тоже гаснут сами
ключ прогремел в замке и не заснуть обратно
уговори что это случится не с нами
что рожденным в лучах авроры в пене снежной
не входи минуту слушай о чем толкую
дают ледяное сердце и жизнь такую
чтобы вровень со смертью страшно но с надеждой

* * *

диспетчер погоды грозу громоздит из угла
пейзажного дня где луга в котловине пологи
в полуденном поздняя небе нелепа луна
но вспученно дачный ручей обивает пороги

он вымок до нитки в чем прошлую ночь провожал
на выдохе бег и повадка погоды опасна
вдомек ли кому осторожный народ горожан
что скоро гроза и луна в голове неотвязна

жара и природа в бобрах у запруды жива
порой парусами врасплох не расплещутся шторы
влюбиться с разбега покуда не гром из жерла
бояться спотыма и к живому невеститься чтобы

надежда напрасна что день перед устьем багров
как синтаксис песня латинский ручья прихотлива
мы дачники вечно неместные гости бобров
искатели мелкого жемчуга в ленте отлива

покуда не молния с преображенных небес
и жадное в синенький ситец обернуто око
плеснуть из сосуда за прелести летних невест
весь в трещинах воздух и в бурю без них одиноко

* * *

с колосников проворны провода
песком и солью тяжела кулиса
она стоит и кто она тогда
она поет о том что нет улисса
что мир как дым и время как вода

в великом море островам просторно
настанут снова солнце и луна
tu sol del tuo tornar perdesti il giorno
она поет но кто тебе она

в чужих краях корабль не прогадает
верстая путь покуда не поймет
что мир как миг в который пропадает
любой из нас о ком она поет

ткань времени до середины спета
узор ковра губителен и прост
она луна одна в руинах света
и солнце днем где не осталось звезд

в соленых брызгах догорает птица
на берегу прощальный ветер пуст
она поет и нам не возвратиться
пока она не затворяет уст

* * *

так облака бледны олени в долгой лежке
так бережен в бору невидимый костер
замешкаться у штор нашептывая кошке
такая жизнь на свете mon enfant ma sœur

блаженство что сентябрь и снова звезды оземь
из нежной пропасти слепые светляки
и то что мы живем преодолая осень
неведомы нигде и так невелики

сентябрь и серп жнеца когда бы только знали
всегда как вьется свет волнуня и слезя
как точно сложится все что случится с нами
мы жили бы давно уже не жить нельзя

осины у ворот их медленное стадо
из земноводных уз зеленый водолаз
им невдомек пока что умирать не надо
когда стоит любовь как полынья до глаз

звон близкой осени на все края и версты
в зените бронзовом где журавлиный след
и ты что движешь солнце и другие звезды
когда мы смотрим вверх преодолая свет

* * *

голый глаз как светильный газ в слюдяной воде
костяные по стенам жабры и бедный бубен
окажись вполне он и был бы да нет нигде
всем скелетом ввысь так и пел бы весь но не будет
трудный прах и себе никто и другим не друг
полый свет вблизи но отсюда наискось старец
из последних мышц в пронизающем ветре рук
существуй вообще бы еще называлось танец

раз пробоины звуков в слоистый ввинчены чад
кто ли женский в ответ полувплавь из ночного чума
воздевая навстречу откуда запястья торчат
кровеносным нутром наперед предчувствие чуда
заюлит в пандан симметрично тому кто был
или не был конечно крестцом наподдаст шалава
уминая поверхность как барабанный блин
всем тапирам святая сестра и мать шакала

навести пустоту на резкость взять напоказ
буровые пробы света хоть неодинаков
то он мерче то ярче а то навсегда погас
негативом пламени над головнями маков
потому что первой в огне закипает боль
липким зельем гнева налитаны злые зерна
результат этих двух которые в сумме ноль
но рядятся плясать и в одно сплетены позорно

продавщица страха всей тоски скоморох
сотворенье дней из брения их и кашля
обещает все что положено скоро мох
станет шерстью земли и лишайник хитином камня
дальше прянут вверх хвощи из удобных дыр
вдалеке практикуется предков двуногих двойка
в парном виде спорта
теперь существует мир
но другой не этот
и тоже совсем недолго

* * *

толпа не знала времени отъезда
окрестными теснима небесами
откуда башня падала отвесно
с мерцающими как ручей часами

толпа листвою шумела и дышала
она жила бегом как от пожара
но нашему прощанью не мешала
пока ждала и время провожала

благословенны юности руины
в районном центре солнечного круга
на станции где мы тогда любили
без памяти и все еще друг друга

там пел в толпе один невзрачный видом
с гармошкой и в нестиранной тельняшке
прикинувшись вокзальным инвалидом
эскизом человека на бумажке

пускай тогда он не глядел на нас но
отсюда видно чьих коснулся судеб
поскольку пел о том что все напрасно
что все пройдет и ничего не будет

но мы ему не верили конечно
а солнце дни усталые верстало
чтоб доказать как утверждал калека
что все прошло и ничего не стало

так все сбылось и ничего не страшно
остался свет но он горит не грея
и там на площади осталась башня
с дырой откуда вытекло все время

* * *

в просторной стране где совсем ни кола ни двора
так остро спросонок в мороз чем медлительней летом
когда за костром от росы коченеет кора
а сердце очерчено лугом и сплюснуто лесом
мы жили уже или живы тогда но не те
чьи лучшие лица повержены в гибкую воду
прозрачны заре или в хвойной светясь темноте
по локти в чернике что птиц отпускали на волю
мне пробило двадцать покуда умолк календарь
простясь с отраженьем навек обнимали друг друга
отведать награда которому мир повидал
одними губами где небо на ощупь упруго
пространство светло без вреда если время не труд
кто прибыл вперед за меня сочиняющий тут

там лето не дрогнет и сосны резные тверды
все в звездах насквозь по краям радиально ложатся
когда я навстречу лицом из кромешной воды
в которой привычно что некому мной отражаться
костром возведен симметричный порядок теней
им нет соответствий где воздух осмысленный в нише
им каждые сумерки каждое небо темней
в чернике лиловые зори но сосны все выше
откуда плывут возвратившихся птиц голоса
молчания легче как в музыке промах короткий
как млечная по небу вся эта жизнь полоса
и вся эта смерть продолженье где этот который
все пишет обратно все дышит на доску стола
но пауза только раз воздух не держит слова

* * *

двадцать третье апреля гостей снарядил и лег
сутки в скользкой листве как дождевая водица
просыхают под ветром солнечный мотылек
вслед последнему свету за рваной рекой садится
джонсон отчалил в лондон дочь учи не учи
месит сено с куини но время вперед прямое
жестко стелет полночь космические лучи
на скиптроносный остров в серебряном море
речью венчал безъязыких и жестом но ныне нет
платных страстей суфлера тем кто тут обитает
под караулом с младенчества верных планет
он лежит в чем прожил с утра шекспир отдыхает
на лучшей из двух кроватей за гранью мер
в доме который воздвиг для него лорд-мэр

стынет взор кому заказан возврат дневной
через стрэтфорд пролягут века куда не дожил
пусть и прежде больше барыш стакан в пивной
тот кто может все уже никому не должен
но платил исправно брал повторный сосуд
точным золотом слова с помоста покрыта трата
он чеканил им речь которую пронесут
от разливов миссури до самых трясин евфрата
перед ликом лизбет и северный варвар джеймс
он им пел как вол чтобы семь суббот в неделе
изваял им любое имя и каждый жест
в этом полураю в своем другом эдеме
чтобы жить по средствам всем на тысячи лет
даже если умолк суфлер и автора нет

но покуда ночь и в городе ни огня
за щеколду бережно нежно должно быть джудит
силуэт украдкой и опрометь вдоль окна
в комнату где не одна но и двух не будет
где без снов поперек постели спит властелин
полумира и больше певец на смертном ложе
составитель планеты которую населил
племенами зла и добра и нами тоже

перед самым уходом сверху ему видны
агинкур и верона богемское море и реки
всех народов в которых доля его вины
ибо с верхним светом ума и даром речи
весь повергнутый в ужас но не подобреший мир
в тишине где не было бога и мертв шекспир

* * *

и еще к однокласснице супруги в честер
вспоминали подруг думал совсем засохну
но разговор скоро выдохся и весь вечер
рубнулись в топороу по центу за сотню

кассирша из аптеки с топотом носила
из кухни twinkies и в чашке со снупи кофе
господи до чего же была некрасива
глаза от жалости вбок но мороз по коже

потом вошел кот вразвалку в кошачьи двери
дворняга но хитрован с надменной статью
какой-то была харизматической веры
через полгода звонила звала на свадьбу

посидели без танцев болтали о разном
пели гимны нашарив соседские руки
муж после семинарии с энтузиазмом
вместе на курсы и миссия в камеруне

папаша ввиду отсутствия сперва грустный
потом разжился плеснул тайком чтобы зависть
не грызла а про меня все знали что русский
знакомили с пастором тепло улыбались

пастор пылко поведал как вся твердь и суша
внемлет их молитве на пяти континентах
а мы подарили занавеску для душа
с ангелами на музыкальных инструментах

по дороге домой купила торт готовый
радовалась до слез мужа с руки кормила
пока я думал об этом боге который
так и носит нас по всем камерунам мира

* * *

два зеркала она дала ему
одно взаправду и еще ночное
где отраженье спрятано в дыру
невидимое зеркало ручное

две лопасти а вместе вся стена
с той стороны заключена причина
она сама пока была всегда
как в зеркале простом неразличима

смотри стекло просверлено насквозь
нить времени проложена подкожно
там предстоит все что давно сбылось
а то что было раньше невозможно

она ему два зеркала дала
в одном лицо для памяти хранится
жизнь без нее короткая длина
где днем ночное зеркало граница

не вспоминай зачем она вообще
саднит стекло но если глянуть слева
взорвется ночь и в треснувшем зрачке
сощелкнутся две половинки света

* * *

помнишь они нас учили на человека
все по мозгам резьба но судьба несла
вот ты и стала точно не чем хотела
северных встреч невеста и невесна
страшный на мачте сучил холода и годы
в трюме с трезубцем морочил вьюшку котла
так постепенно ты умерла и кто ты
после всего то есть где ты или когда

знать не зазорно но вскользь как ножом сказали
диву далась бы в памяти у меня
там на подушке проснется лицо с глазами
не говори так тихо ведь ты умерла
тяжесть твоя в ладони жизнь все та же
только дыханье ветер сносит в пески
все не весна никому не невеста даже
разве разлука могила постой не спи

если один напоследок вопрос из списка
невмоготу во рту и мозг на замке
настежь объятья только не стой так близко
ты неживая а я лебеда на земле
как научили любить верней не умели
ангелы в этом огне как одна семья
страшно догнать потопчусь провожу у двери
мертвую в мертвый простор береги себя

* * *

на секунду в мозгу светло
пропасть в прошлое как в стекло
если вслед самому себе
оказаться внизу в стекле

далеки они в белом блеске
бороздящие бред челны
помнишь прошлое будто вместе
пеленали его в чехлы

раньше звук издавали вещи
их зрочки пламенели резче
степь стекала в изгиб стальной
где холмы по краям тюлени
в заповедных глазах темнели
расставанья твои со мной

с крутизны ледяного верха
слишком лишних шеренга лет
оттого так надвое время
а другой половины нет

в горький срок на краю парома
в шлеме с гребнем горит аврора
протянув острие копья
можно снова и никогда

* * *

когда в густом саду когда в тенистом
я вызывал тебя условным свистом
сойти к реке где нам луна светла
когда к утру мы первых птиц кормили
я ни на миг не сомневался в мире
что он таков как есть что он всегда

как мы играли там в эдеме дети
нам верилось существовать на свете
он состоял из лета и весны
какие липы нам цвели ночами
и каждый знал что завтра нет печали
наступит день где мы опять верны

теперь река за плесом половины
уходит в рукава и горловины
слепые липы угнаны в пургу
мир выстоял но уцелел не очень
дороже прежнего но так непрочен
он весь река а мы на берегу

там на холме все светит в сад веранда
я посвищу тебе моя миранда
до первых зорь пройдем в последний раз
где тени прежних птиц над нами грустно
и на глазах прокладывает русло
прекрасный новый мир уже без нас

* * *

когда философ кант родился резвым крошкой
он умер в свой черед но вот светясь из тьмы
старинной поводя нейзильберовой ложкой
он ест немецкий суп и снова весь как мы

защитник против тех кто поступает грубо
которому подлог и кража не в чести
он говорит не лги не сотвори прелюбо
кто станет спорить с ним как нам себя вести

нас плохо держит жизнь нам старость не в науку
но если честен кто сомненья проглотив
такому сквозь века протягивает руку
категорический как рубль императив

вот только скоро смерть а жизнь полна вопросов
в ней вор и хулиган открыто верх берет
хотя бы ты и дух ответь ему философ
как надо поступить чтоб шла мораль вперед

слагая свой трактат ты думал о герое
герои мы не все а совесть только тень
он умер и молчит ему несут второе
все ложкой шевелит и светится как день

но верится что вдруг есть компас или карта
взять азимут с утра и по стопам твоим
пройти в хрустальный мир иммануила канта
где мы честны и зря прелюбо не творим

пробраться по черте магнитного прибора
где солнце совести всегда горит слепя
там с подлинным верна вся правда и природа
а жизнь простая вещь к себе и от себя

* * *

зима струилась вязко как сметана
где кое-что на гулкем этаже
я сторожил а ты была светлана
или марина может быть уже
в очакове где ты жила положим
прорабу или отчиму женой
я всю судьбу приоткрывал прохожим
мою с твоей наташа боже мой
в ладонях небо стыло и немело
без выдоха наружу но внутри
вход в гастроном там слово рубль имело
старинный смысл и означало три

когда я кербер первому аверну
курировал свой вверенный объект
в очакове неверную царевну
ласкал прораб и требовал обед
повелевал а я пока разлука
на улице из солнца и стекла
твой иероглиф выдыхал без звука
мари тама ната но вся светла
в бреду сображникам по равнодушью
где радость без тринадцати цена
изображая как на шелке тушью
любви пленительные имена

я не солгу как в те снега когда-то
сквозь всю необъяснимую страну
ты повела меня на цвет граната
на вкус его и с чем подать к столу
но скоро старость обесточит память
обратный мост не выстроить из строк
дай разлюбить тебя так проще падать
нам с дерева когда настанет срок

* * *

помнишь цинтия перно на петровке
где грустили мы ладонями к небу
но пропали с той поры как микробы
о микробах долгой памяти нету

собирались в трускавец или байи
бурным морем до тартесса и дальше
получилось только в лес за грибами
ночевали на малаховской даче

или в тушине ждала где привыкли
ревновала к молодым поэтессам
это желуди морские прилипли
к днищу сердца за последним тартессом

без тебя тут наши вышли в светила
за квадригой на подушке медали
встретил меммия в мундире эдила
в старину-то он не ладил с ментами

редко локоны впотьмах или губы
душный воздух навевает под старость
вечерами я ловлю тебя в гугле
в википедии найду что осталось

навещу лишь в годовщину наверно
за померием безлюдно и тесно
ни перно тебе сюда ни фалерна
так квадратно твое цинтия место

вот и вещи раздаю скоро следом
будем буквами вдвоем и листами
где горели на ветру быстрым светом
и могли бы жить всегда но не стали

фауст

точней и недоверчивей чем ты
я постигал беды скупые свойства
конструкцию преступной простоты
сквозящую в пазах мироустройства

в стране где одиночество лютей
но иночества подвиги похожи
я постепенно так простил людей
что стал бы с ними говорить без дрожи
там вызубрив законы волшебства
проверил я сложив слова и числа
как возникает ум из вещества
и мог бы тоже но не видел смысла
мир оставался пуст лишь ты одна
в кривой решетке света из окна
существовала на садовом стуле
навстречу ночи и впотьмах потом
листала книжку патнэма о том
что я не человек а мозг в кастрюле

там на заре взамен тебя верна
неназванная плакала вина
ничья из нас она жила снаружи
я заклинал всех чисел имена
чтоб лучше спать но бодрствовал все хуже
откроешь кровь и топором в кровать
не жизнь из жил а жиденькая порча
из первых рук и нечего кивать
на патнэма или алонзо черча
я воскресал и подходил к окну
где в лунном облачении стояла
и отраженьем падала ко дну
ты у пруда и вся твоя собака
туда текла сознанья полоса
ветвясь на утренние голоса
то в иве иволга то вслед синица
ты в темный ил ступала на носок
и время в пруд бросала как песок
топя совместно прожитый кусок
я понимал что время тоже снится

теперь пришло в расколотовой стране
твое письмо в котором ты писала
что яблоко лежало на столе
которое ты принесла из сада
кругом тесней древесная гурьба
не поразит и судная труба
стекла где с той поры луна повисла
сиять на поле моего труда
на бережные чертежи и числа

* * *

мозг ослаблен силлабическими стихами
играй аллерген если тополя пушисты
у ларька на взводе боевые стаканы
по лицам видно что наши а не фашисты
качнись упасть и ветер подстиляет вату
лежи поперек лета впереди недели
кому невмоготу передай стакан брату
он предан делу чтобы ряды не редели

природа в борьбе ради маковой росинки
вот и глотни все же человек а не робот
пей пока наливают принесут носилки
отвезут сделают укол быстро зарюют
для чего пчелы утром покидают улей
для того ларек на углу возводят людям
раз у колькиной людки воробышек умер
за воробышка по глотку и все там будем

мы стоим у ларька в тополиной метели
летят брызги времени столетия что ли
прежних не узнать чьи черепа облетели
но когда умираем не чувствуем боли
потому что сущее только мнится телом
жизнь лишь подобие инсулиновой комы
а душа воробышка летит за пределом
и мы кажется тоже но не знаем кто мы

* * *

абеляр элоизе вот что спешу напомнить
из пустого ковша порожнего не наполнить
если взять утомленных пеших в зной у колодца
то что было уже к тому и прибавится столько
только тем кто не станет пить вода достается
но умножится жажда тех в ком все пересохло
в честном диспуте праздную спесь одолеет самый
терпеливый и чистому сердцем весь мир отчизна
без труда обойдет капканы универсалий
кто стоит на торной дороге номинализма
ибо истина отпрыск упорства а не каприза
вот что следует помнить дитя мое элоиза

элоиза в ответ абеляру спасибо отче
я могла бы сама но у вас получилось четче
я вчера у часовни для вас собрала ромашки
потому что другого подарка найти не в силах
жалко мать-аббатиса нашла в рукаве рубашки
раньше было их больше но не таких красивых
и еще я писала по-гречески вам записку
но сестра донесла и велели впредь на латыни
а латынь проста не пристала такому риску
как нас жаль что мы перестали быть молодыми
раньше я гуляла и дальше к ручью и вязу
там теперь собаки с мусорных куч с цепи ли
иногда я плачу но это проходит сразу
ваши мудрые письма меня почти исцелили
если трезво взглянуть пожилые ведь тоже люди
даже если погасли глаза и обвисли груди
даже если рассудок прочь от беды и скуки
почему они что они сделали с нами суки

* * *

*Where Alph, the sacred river, ran
Through caverns measureless to man
Down to a sunless sea.*

марко поло долго жил в поднебесной
год в любую сторону если прямо
впал в фавор и стал фигурой известной
всем наместникам от манчу до аннама
а потом в европе военный узник
все не мог решить это смерть или снится
да возьми пособи грамотей французик
описал со слов в гемуэзской темнице
как курьерские кони храпят по стойлам
наготове и как на войлоке колком
пировал хубилай в ханбалыке стольном
в тростниковом дворце, перешитом шелком

он теперь на поруках где дом и дожи
но и это и это фантомы тоже

пролистай наугад хоть до той страницы
где клеветы в сапфирах ползком к помосту
где с речное русло размахом птицы
промышляют слонов на прокорм потомству
там привозят пряжу из уйгурстана
что не вспыхнет в огне за билет бумажный
или вспомни когда погребают хана
кто завидит кортеж погибает каждый
вот лагуна и город по кромке блюдца
как отрывисто время пространство голо
певчий голос в мозгу позовет проснуться
не вернешься умрешь вернись марко поло

пронеслось словно памяти не касалось
это правда было или казалось

что ж ты чертова память круги и пятна
распустила нить растеряла годы
неужели можно пройти обратно
в прежний рай миражей по огненной гоби
здесь палатки менял и с макрелью сети
там гроза и милость царского лика

недурна и венеция но на свете
нет столицы блистательней ханбалыка
одолев гангрену и долгий голод
в долг глазам пока глазеть не устали
спозаранку войти в невозможный город
где прозрачны хребты и ручьи хрустальны

запах смерти но жизнь обжигает ярко
собирайся в путь
возвращайся марко

ЭДИП В КОЛОМНЕ

шумно вздохнуло чудище и отвечало
рассуди сам по науке если философ
в термодинамике есть второе начало
и число ответов меньше числа вопросов
вот на эту разницу и живем с супругой
с утра наличных ноль но на кон ставлю смело
пораскинь чем бог над этой правдой сугубой
и взмахнуло лапой и убило и съело

жалко ослепнуть в зобу не прозрев ни разу
плохо кончить век дичью без избытка знаний
человек не чета идеальному газу
раз передний ум тормоз не вывезет задний
страшно когда среди природы постепенной
суслик пополам плугом с небес камнем птица
тепловая други мои гибель вселенной
по ту сторону шанса налить-похмелиться

домик допустим в коломне за вином прямо
ответ или-или судьба обыкновенна
здесь кто папу зашиб кому дала чья мама
вопрос не острый не австрия чай не вена
взыграет на солнце льдинкой прозвенит фикса
о берега стакана и в путь ко второму
а какие и гибнут то не в пасти сфинкса
с константой больцмана на устах в дар харону

* * *

когда-нибудь пришла и встала у окна
к присутствию спиной а в небесах чертила
всю синеву и траекторию орла
я очинял перо и разводил чернила

мир вечерел квазары падали в подол
пускай бы вымысел удачен был у бога
так подмывало петь но видимо потом
когда прокашляться после ее ухода

хотелось что судьба отсюда не беда
сквозь трепет изнутри где близко плоть слепая
я постигал с трудом кто у меня была
пришла и у окна когда-нибудь стояла

навек и светится что никогда прошло
как у себя в ласке в большой бизоньей шкуре
вся радость на стене лазурное пятно
где кажется умри и будешь жив не хуже

сойдя по паспорту в неброскую страну
в окрестность скромную москвы или саранска
припоминаешь как однажды жил в раю
и голос пробовал так сипло но старался

рождественская ода

как нас мало в природе чем свет сосчитал и сбился
в большинстве своем кворум из мрамора или гипса
а какие остались что в бостоне что в москве
кто в приюте для странников духа кто с круга спился
собирайтесь с аэродромов по мере списка
вот проснешься и думаешь где вы сегодня все

состоимся и сверим что мы кому простили
на коре зарубки круги на древесном спиле
только день в году для кого эта ночь темна
а потом как в лувре друг другу в лицо полотна
потому что раз рождены то бесповоротно
нежные словно из звездной пыли тела

это хвойное небо под ним пастушки коровки
всех хвостатых и без бегом достаем из коробки
старичок с топориком ослик и вся семья
с колыбели как мы добыча клинка и приклада
как умел любил и не ведал что бог неправда
мы убили его и живем на земле всегда

даже веру в фантом за такую любовь заочно
мы прощаем ему то есть я совершенно точно
как обязан прощать а другие поди пойми
вот у люльки кружком в канители в крашеной стружке
человечки-венички плюшевые игрушки
да сияет сегодня всем звезда из фольги

в этом сонме зверей рождество твое христе боже
так понятно живым и с судьбой человека схоже
соберемся по списку когда истекает год
заливает время запруды свои и гати
и две тысячи лет нам шлет дитя на осляти
если бога и нет нигде то дитя-то вот

скоро снова к столу простите что потревожу
я ведь сам пишу как привык то есть снявши кожу
лоскуты лица развесив перед собой
те кого уместил в вертеп в еловую нишу
это вы и есть а то что я вас не вижу
не толкуйте опрометью что лирник слепой

праздник прав а не святочный бог когда-то
наши дети в яслях и гусеницы и котята
минус мрамор и гипс но в барыше любовь
у истока вселенной подсмотрев это слово
я с тех пор как двинутый снова о ней и снова
и не стихну пока язык не ободран в кровь

пазолини

ты вспомни как соседу позвонили
уже и с пляжа топала толпа
что ночью был зарезан пазолини
мы зимовали в остии тогда
увы нам в этом не было урока
бидон фраскати лучший люминал
бездельникам и спали до упора
а он буквально рядом умирал
народ наутро сплетничал у почты
без стукачей для навлечения порчи
день как волна то шел вперед то вспять
за песней пиний солнечной и вязкой
жизнь предстояла терпеливой сказкой
не торопясь однако наступать

все бывшее теперь в оплывшем воске
или как павлу в пелене стекла
на поезд до piramide а после
был снова рим он возникал всегда
смерть невозможна на чужом примере
где труп времен едва прикрыт травой
и марк аврелий конный на пленере
стоял еще не взятый под конвой
в последней юности нагой и нищей
как прыгают за подоспевшей пищей
с ноябрьских молотков юркие нырки
там было сладко созерцать ликуя
две дюжины столетий с яникула
с марсолой предварительной внутри

так жили мы когда лежало тело
стремясь ничком в объятия луны
потом они опять открыли дело
вообразив что дело не в любви
история перебирает ветошь
напялив проволочные очки
но жизнь прошла и вот уже не веришь
ни в эту смерть ни в эту жизнь почти

прошла и ничему не научила
но остается точная причина
существовать и лишь она не ложь
а жертвоприношение на рассвете
l'amor che move il sole e l'altre stelle
и нержавеющий на пляже нож

* * *

стал он звать золотую рыбку
голосом молвит человеческим
хочет в бабы секретаршу ритку
и за декабрь ипотеку тоже нечем
приплыла к нему рыбка спросила
записала в блокнот и все забыла
ни чтоб здрастье ему ни он спасибо
чайка подписью под досье залива
что еще скажешь синему морю
плесни в стакан чем помочь горю

эти рыбки и вся морская закуска
сочинение без совести и чести
жизнь как мессинский пролив где узко
там и нет прохода утони на месте
что ни утро ни дома нигде ни ритки
пушкин на ветвях кот ученый в мыле
так и тянет к прибору типа бритвы
кота наголо и себе опочить в мире
прах любое богатство грош вся гордость
детство кончится и ничего не будет
в синем море лишь человеческий голос
без человека кричит оторванный бурей
умирает чайка голову в перья прячет
голос чуть помолчит и опять плачет

* * *

безмолвие кругом на километры
тьма поднимается за милей миля
я не увижу знаменитой Федры
и с полки не возьму войны и мира

не стану праздно предаваться блуду
с утра в ларек не отнесу посуду
связали в сноп и дальше жить не буду
такая тишина теперь повсюду

так жаждал пить но пересохло в луже
дерзал дышать но по-другому вышло
теперь сбылось и так темно снаружи
терпения что ничего не слышно

здесь каждый жест одаривая встречно
сирот и вдов не обносил я водкой
вот только почему похмелье вечно
а выпивка была такой короткой

на выселках статистики семейной
заботой звезд отглажена пижамка
где собирают вещество вселенной
для новых нужд и вот уже не жалко

пусть это будут солнечные пятна
в речной воде и цвет июньской липы
хоть что-нибудь получится и ладно
из темной копоти из долгой глины

ткачиха

я говорит навек жена того улисса
который пропал а не который вернулся
двадцать лет отстояла на полоске пирса
двадцать лет ткала саван до пробелов пульса
тот которого к дверям привела афина
найденыйш а не потеря не по нем плачу
пусть кормилицу провел поймал в капкан сына
я всю драхму платила не обол на сдачу
шрам кабаний похож так печаль всем известна
никому не вдова твоя невеста море
двадцать лет как щеколда щелк а все ни с места
лучше буду еще двадцать горевать горе
снова саван растяну в тени у платана
ой улисс мой ненаглядный ой дана-дана

а который пропал он тоже не вся правда
то есть правда но спит на солнцепеке самом
жарко и видит во сне родная ограда
дом и под платаном сидит жена ткет саван
как отбыл так с тех пор не миновало лето
гудят шмели вспыхивает на солнце спица
только невдомек видит ли во сне все это
или вечной ткачихе сам отсюда снится
такой расклад по сердцу за шаг до калитки
прекратило течь время дремли и не кашляй
нимфа ли калипсо девки ли феакийки
проснешься жизнь обнажена и должен каждой
стайка в тонких хитонах лиры у фонтана
ой ты редкий гость заморский ой дана-дана

в этом сне своем чужом ли видит внезапно
подвиги старца с луком в нищенском прикиде
жена замужем уж не наступит ни завтра
ни послезавтра и спящий на сон в обиде
или та кому он сам приснился за женским
рукодельем под деревом жене ведь тоже
что привиделось насмешкой и лживым жестом
вышло явью но другие вдвоем на ложе
тряпка с лучницей-девой в чужих пятнах пота
долго плывешь морем потом топаешь полем
снишься друг другу пока существует кто-то

а саван готов наконец впору обоим
сон навсегда а явь соткана из обмана
ой люли-люли разлука ой дана-дана

* * *

быть пять минут или не быть вообще
таков вопрос на выбор три ответа
один пометить птичкой пеликаном
и зайчиком и ежиком любимым
быть зайчиком допустим но тогда
грозит жаркое или быстро бегать
быть ежиком и больно уколоть
сто лет уколотая проспала
пока случайный шоколадный зайчик
не углядел ее в гробу и спас

я жив еще но слишком часто сплю
какие сны в том частом сне приснятся
или пытаться спать гораздо реже
а сны смотреть отныне наяву
как кальдерон допустим де ла барка
любимая уколотая спи

или стараться быть наполовину
задумчиво уйдя в полусебя
полунебыть как виртуальный кварк
но там поди пращи и стрелы свищут
как уцелеть под натиском баллист
когда внутри хрустальной табакерки
игриво грудь полуприкрыв кудрями
так часто спишь что некому проснуться
эй кто-нибудь целуйте наконец

* * *

на полпути в степях кибенистана
аж миражи вполнеба как в кино
мне чудо невозможное предстало
но выпало из головы оно

вернуть назад песчаные ухабы
мозоли от рюкзачного ремня
какое диво я вскричал тогда бы
какое блин вы спросите меня

но памятью оставлен я в покое
хоть все болты на раме подкрути
не допереть что собственно такое
предстало мне на этом полпути

с тех пор пройдя любые полдороги
в сортир и то протапывая путь
я умственные подвожу итоги
стою как столб и жду чего-нибудь

как бы пилон электропередачи
из мозга праздную изгнав возню
стою духовно сам себя богаче
но чем не знаю и не объясню

* * *

на уроке терпения в пятом классе
соколова сидела поближе к васе
чтобы вырасти быстро и не скучать
на линейке жемчужина всей дружины
но не ближе чем те что остались живы
скоро в загс да в печальной графе печать

этот вася почти эпический образ
у доски по алгебре вечный тормоз
постепенно в горкоме влксм
к выпускному они расписались с таней
но гражданских перечень состояний
невелик и последнее светит всем

я терпение выучил на пятерку
заграничную в срок получил путевку
ради прожитой жизни не жалко двух
но лет в двадцать раз возникает снова
пятый б любовь моя соколова
запорожье и детский немый дух

там размолвка вышла вернее развилка
у него была на меня дразнилка
забежал вперед а то бы узнал
мы терпели долго но перестали
и старик перевозчик пометив крестами
закрывает за нами классный журнал

ОН

он не был в этом розвелле ни разу
зеленые личины ни к чему
а прилетел неразлично глазу
неведомо вниманью ничьему
не существо а силовая область
сгуститься в нужной дате и версте
здесь приземленье лишь неловкий образ
зачем летать тому кто есть везде
условлено что запускали в паре
и приземлиться в неприметном баре
под автографом бейб рут в тени гардин
на сорок третьей но пришел один
он там сидит в притворстве полупьяном
на личность человек немолодой
но голова работает над планом
вернее план владеет головой
пока напарник сочетает кванты
чтоб незаметно у стола возник
в его мозгу хронометры и карты
которых здесь не выразит язык
а розвелл был затеян для забавы
как в парке лабиринты и завалы
бросок с оглядкой в сторону для псов
среди пустынь ненужных и лесов
конец судьбе и в дырах вся природа
когда к дверям припустит напрямик
лишь мельком в тусклом зеркале у входа
мое лицо но я уже привык

пятый акт

С. Гандлевскому

сперва сюжет рождается из тьмы
струится речь в шатре притихшем нашем
на сцене свет там небольшие мы
роняем реплики руками машем
дурак в гробу но впереди река
где мужики цедили девку бреднем
мы нездоровы вроде бы слегка
мы сбиты с толку в действии последнем
внутри главврач простерся пауком
кто пациент тому весь мир больница
он призрака родителя боится
и на укол к сестренке прямиком
не рад ли ты ее фигурке юркой
с груженной галоперидолом фуркой

всегда в сознании к финалу сбой
из фабулы долой тогда свобода
так сложно персонажу быть собой
он выдумка а текст без перевода
вот опрометью зрители ко мне
между собой как все менты похожи
родитель корчится в ночном окне
то ухнет филином то строит рожи
потом фармацевтический покой
сомнамбул напряженные спирали
что за театр помилуйте такой
где отроду дверей не отпирали
вот буйный бог в издерганной узде
вот девкин труп с кувшинкой кое-где

тогда побег другой надежды нет
мы сами простыни крутить не промах
скорей спасатели с других планет
снимайте стражу на аэродромах
реви мотор мы улетим туда
где станем петь и толковать о многом

а кто записан в пьесе датским догом
тому и есть вся дания тюрьма
пора сквозь бархат звездного чертога
на пиршество всем чувствам и очам

есть многое на свете друг серега
что и не снилось нашим главврачам

НОЧЬЮ

от села невесела с того ли крылечка
ставни наперекос по двору куры востры
скок-поскок только смерклось старичок-калечка
стук-постук кривой клюкой о пустые версты
узелок приторочил в узелке заначка
гнать взашей стыдный страх исчезни луна в туче
а за ним опрометью малая собачка
хоть неказист человек а свой с ним-то лучше
вот идет калечка лугом семенит бором
ягоду ли берет гриб ни гроша не давши
в пуще лешие в крик русалки в пруду хором
чуть хлебнет из горлышка и шасть себе дальше
чу не мент ли из-за бугра шагами тяжко
послушно лезет в узел где печать на ксиве
справка из диспансера нужная бумажка
ан нет является ему сам господь в силе
стой говорит калечка ничего не бойся
глаза огнем палят борода снег на брюхе
говорит зычно но голоса нету вовсе
понятно без голоса просто слова в слухе
вот говорит господь лес поляна вот речка
в лесу лоси сохаты на лугах покосы
счастлив ли ты на такой дороге калечка
или еще что-нибудь сочинить для пользы
старичок в ответ а что кому еще нужно
тут говорит чуть вбок уйма грибов и ягод
когда не подеремся живем даже дружно
люди как проспятя довольны ну и я вот
и доволен что бог а не мент участковый
и уже идти дальше погоняет ногу
только вдруг внизу трава шелестит по новой
и собачка изо всех сил говорит богу
сделай просит господи и для меня тоже
чтоб и я собачка была на свете рада
сотвори другой мир а не нынешний боже
пусть жизнь в нем окажется не беда а правда
нет говорит бог не для тебя творил время
не для тебя пространство небо с легким паром
тебе говорит бог собачка волчье семя
ни дам ни отниму живи как жила даром

и пошел себе не страшный но шибко гордый
вот выпадает роса скоро овсы в колос
калечка с заначки ослаб весь лежит мертвый
собачка сидит рядом и воет и воет в голос

давид и юрий

о том ли песню скажу о царе давиде
о князи славнем во граде ерусалиме
как по кровле терема при слугах и свите
он гулял ввечеру с министрами своими
а на дворе баба тонок стан черны очи
голая плещет в ушате бела как лыбедь
и восхотел ее царь пуще всякой мочи
похоть порты подпирает аж срамно видеть
цареву слову никто перечить не волен
министры по струнке небось люди служивы
только есть у той бабы муж юрий-воин
хоробрый зело вожатый царской дружины
давид ему юрий поусердствуй престолу
а про себя погибни смертью и вся взятка
из хеттеян он был из русских по-простому
не жидовин как все а пришлого десятка
вот пошел юрий на фронт саблей в чистом поле
сражен упал себе и помер понемногу
доносят царю а уж терпежу нет боле
мигом жертву на аркан и в храм убить богу
берет давид себе бабу под белы руки
кофточку с нее прочь сам сбрасывает брюки
в саду павы кричат ночь звездами богата
для царя вся правда нет ее для солдата

был бог на давида в обиде да недолго
на то и царь как решил сам и поступает
восставлю говорит бог из твоего дома
сына возлюбленного пусть все искупает
в терему на горе тешится давид бабой
то он так ее поставит то сяк положит
пискнула сперва но куда голой и слабой
бог сказал бог сделал а беде не поможет
а где прежний твой полег не метили вехой
во поле брехали псы вороны летали
хеттеянского роду пришел-понаехал

служил верой-правдой да гражданства не дали
чуть если смеркнется в ерусалиме-граде
царь персты на гусли и псалом бога ради
поют павы в саду кричат по белу свету
вся правда у бога а у нас ее нету

* * *

углубимся в детали
старый сруб у реки
где в потемках летали
над водой светляки

многоочия ночи
на перилах крыльца
обличали как очи
очертанья лица

помечали пространно
оком камыша
а под ним сасквеханна
шевелилась дыша

все непрочное счастье
вечной ночи простить
если стиснув запястье
навсегда отпустить

этим прошлым картинам
лишь лица не вернуть
пролагая пунктиром
в темном воздухе путь

как воздушный кораблик
в пенсильванском лесу
насекомый фонарик
пронося на весу

* * *

в пуще практически ни тропинки
в тесном лесу поступаем сами
словно стальные в строю опилки
между магнитными полюсами

в прежней ужом очутиться коже
горстью компоста в смердящей груди
можно лисой или сойкой тоже
но почему-то все время люди

голову ночью снесет над книгой
стиснут внутри на манер гармошки
контур отчизны такой же мнимой
что и снаружи любой обложки

это страну стерегущий ангел
счастье качает предсмертным сердцем
это стучит журавлиный анкер
между константами юг и север

если рождаешься жить положим
можно пока неподвижна стража
так и остаться простым прохожим
до перекрестка любви и страха

сойка направо откуда песня
слева лиса где незримо бездна
смерть неминуема как ни бейся
счастье практически неизбежно

* * *

в сердцевине жары стеклянная вся среда
преломила в кадре прежние дни недели
получилось так что я исчезал без следа
возникали друзья но на глазах редели
в том краю где у матери было две сестры
незапамятной осенью астры в саду пестры
деревянный дом где все как одна на идиш
и дряхлая овчарка слепая на левый глаз
там теперь никого из них никого из нас
я ведь так и думал я говорил вот видишь

в том последнем стакане зноя в канун огня
нас теснило к столу и от пошла зрачки першили
я бросал без разбора любых кто любил меня
только взгляд к этим лицам лип насовсем как пришили
если быстро проснуться поверю пусть не пойму
в том краю где уже никаких сестер никому
в самом месте где астры протерта ногтем карта
деревянный день только идиш из уст немой
во дворе овчарку звали рекс или бой
я ведь знал наперед я и жил-то с низкого старта

под реховотом горьким я тебя хоронил
эти тридцать царств песок с высоты соколиной
здесь бывает северный рыхлый наш хлорофилл
не дает кислорода и слабые дышат глиной
но чтоб рано не ожили марлей подвяжут рты
треугольником сестры в острой вершине ты
по бокам ни гу-гу на иврите кто-то
если правда горнист просигналит последний миг
тот кто алчно из туч наводил на нас цифровик
отопрет свой альбом и покажет фото

под крылом опустев страна простирает огни
к некрасивому небу которое знал и бросил
не снижаясь лайнер скребет фюзеляжем о пни
если врежутся в трюм спастись не достанет весел

по бельму напоследок друга узнав во враге
я на идиш шепну подбежавшему рекс к ноге
он остался один где бельмо проступает картой
где в безлюдных лесах словно князь на тевтона рать
собирает миньян но не может никак собрать
очумевший от бездорожья кантор

* * *

бог давно живет в нью-йорке
нам не делает вреда
в длинной узенькой каморке
где-то возле fdg

он с утра заварит кофе
дождь увидит за окном
на стене мария в профиль
рядом сын на выпускном

так привычно жить в нью-йорке
хоть и полностью не весь
он спустился на веревке
темным вечером с небес

целый день сидит в старбаксе
с ноутбуком в уголке
знает есть ли жизнь на марсе
и зачем она вообще

а в окне не видно неба
кактус в баночке засох
не вернуть обратно время
даже если кто-то бог

и собачка смотрит в оба
у старбакса на углу
опознав в прохожем бога
тщетно молится ему

сутки прочь потом вторые
время кончится и пусть
вспоминай меня мария
я когда-нибудь вернусь

* * *

если прямо спросить у зеркала что мы имели
в этом ебаном детстве от силы припомнится лишь
весь картофель в костре да кино про подвиг емели
на второй мировой как велела гефильте фиш
а когда умирал навзрыд в своем мавзоле
ким ир сен или кто там у них умирал тогда
на заре загорались у взрослых глаза розовее
и друг друга от скорби рвала на куски толпа
чтобы чаще от страсти трясло трепеща прыщами
будоражила нервы шульженко но громче всего
из котлетного чада радиоточки трещали
про даяна моше и карибский мол кризис его
вспоминал о нездешнем один робертино лорети
все чего возлежало возжелали на пляже тела
вот такое нам родина детство спроворила дети
вот волшебница участь куда ты нас всех родила

возвращусь я на родину выйду на быструю речку
где сплавлял пастернак знаменито на баржах плоты
пусть как в детстве опять робертино споет про утечку
наших пляжных мозгов про усушку всеобщей плотвы
озирать эти нети убогие эти овины
что за притча овин пусть губами коснется виска
вся красавица жизнь но без тухлой своей половины
где поет робертино и харкает жиром треска
ей теперь прощено и ни слова упрека при этом
потому что последние врозь на причале стоим
ненаглядные все кто с авоськами кто с диабетом
и даян на баяне с прощаньем славянки своим

* * *

как-то взял посетил мелитополь
при советском режиме давно
там людей замечательных вдоволь
но и пьяных конечно полно

или даже до кировограда
увозило под стук колесо
население было мне радо
но конечно быть может не все

а сегодня при новом режиме
он такое же впрочем говно
тридцать лет как живу меж чужими
и не помню из вас никого

раскрасавицы все украинки
москаля несравненно милей
потому что я свой до кровинки
хоть фактически где-то еврей

и когда вы наверно умрете
свой стакан не сыскав поутру
приобщимся совместно природе
я и сам если нужно умру

нас воспел в своем творчестве гоголь
и увидеть я сызнава рад
мариуполь или мелитополь
шепетовку и кировоград

книга

он поднял книгу бьющую огнем
где ни откроет вся она о нем
ну в точности как было вот холера
вот только дымно и зола во рту
он из костра достал ее в саду
она там вместе с листьями горела

сперва игрушки все наперечет
соседка с нижнего у вас течет
уроки детства о вреде и пользе
совсем забыл про этот выпускной
да правда было в обнинске с одной
и вся неправда что случилась после

она в огне ему не вмоготу
еще немного думает прочту
зрачки как студень из орбит сочатся
пусть сиплый кашель как сверло в груди
не каждый день случается поди
с такой печальной книгой повстречаться

вот занялись последних два листа
теперь обложка черная пуста
где только что бежала жизнь живая
он ей велеть не может повтори
и так стоит еще минуты три
обугленных фаланг не разжимая

прощание с елкой

две тысячи восемь шарахнуло в телеке с вовкой
полночным укропом печаль на селедку легла
теперь объявляю негромкие игры под елкой
я спрячусь положим а вы не ищите меня

из волн майонеза кристина встает орбакайте
играйте друзья чтобы время не даром прошло
допустим я спрячусь а вы постепенно считайте
две тысячи восемь две тысячи девять очко

советской собачкой часы в орбитальном полете
стоят и продолжим под скатертью поиск бедра
я спрячусь но вы не ищите а если найдете
вам год не засчитан и дальше насмарку игра

отлично что водка что килька посолена пряно
и будь я гарантом такой интересной страны
глядел бы на всех с неизбывной любовью с экрана
да жалко что иллюминатор не с той стороны

от липкой эклиптики врозь побежали широты
в созвездиях шепот над млечной водой камыша
штурвал на себя но конечно спасибо за шпроты
и ваша снегурка под шубой всегда хороша

звонит мое сердце на дальних парсеках сегодня
две тысячи восемь и дольше остаться нельзя
но вслед из-под шубы озябшая смотрит селедка
и нежная шепчет вы люди вы наши друзья

брат

ф. сваровскому

вдруг пахнуло припоем сверкнуло в приборном окне
в унисон заревели отвертки и вывели брата
я узнал по глазам и такая же в нем как во мне
материнская плата

и еще нам сказали что третьей в подмогу возьмем
3sx этот новый дизайн с гигаваттом из ножен
я взглянул на входное устройство там женский разъем
но приказ непреложен

он закон исключенного третьего знал назубок
мы терпели как гот предписал не рискуя иначе
под нагрузкой на сто бесконечен он был и глубок
как ряды фибоначчи

я их с кабелем как-то без светодиода засек
вход на выход для пользы взаимобмена сигнала
мигом лазер сверкнул отвалился от брата кусок
вся любовь отсияла

здесь на третьей от солнца всю неоглядны поля
если в клетку разбить и плеснуть в атмосферу аргона
можно жить и без брата ни чипом внутри не боля
мне не надо другого

и без прежней опаски в дорогу по их городам
где клочки протоплазмы в руинах шипят догорая
пусть пульсирует кварц я тебя никому не отдам
3sx дорогая

аминь

соседские золовки и зятя
в две дюзы под бельем гуденье газа
у них там был младенец для мытья
и старшенький для общего показа

и помнишь ты была у них тогда
той дочерью недолгой мне на память
которая спасла себе кота
от злых ребят но не умела плавать

я за тобой подглядывал в окно
и подарил латунное колечко
а старшенький читал стихи барто
потом подрос и вскоре сел конечно

тебя там нет и нет нигде с тех пор
как ты была и как тебя не стало
впечатан в звезды бесконечный двор
но для людей теперь пространства мало

остался я травинка на ветру
да кот спасенный льнет к тогдашним шторам
все мордой вверх как будто есть вверху
который знает кто мы и за что нам

* * *

дома уперлись в тучи и молчат
в них полночь отмечают человечью
в логоу волчица вывела волчат
и мучится что не владеет речью

как объяснить что рождены в чужой
стране зверей как передать потомку
что через поле движется межой
судьба с дробовиком наизготовку

когда бы говорить она могла
и если б ей язык а детям уши
то речь ее как черная игла
пронзила бы их маленькие души

пускай в лесу барсук на речке бобр
лось на лугу и дичь повсюду летом
но если мир на первый взгляд и добр
ты волк ему не забывай об этом

* * *

однажды солнце село навсегда
особенно неистовствовал дворник
он клялся что взойдет-таки во вторник
но не вошло а ведь уже среда

мы поначалу стали делать вид
что в сущности не тяготимся этим
и лицемерно объясняли детям
что солнце есть и что оно горит

но вот работник лома и метлы
отчаявшись терпеть и как бы в шутку
нам объявил сложив приборы в будку
что жизнь прошла что мы теперь мертвы

и стало жалко тратить пот и труд
и стало слышно в тихом плеске леты
как маленькие детские скелеты
в песочнице совочками скребут

* * *

как весело разглядывать синиц
поправ свои фальшивые несчастья
их клювы в центре деликатных лиц
их цепких лап фигурные запястья
вот и скажи на что нам эти мы
взирающие в небо неподвижно
когда из предков лучшие умы
резьбу сорвали а летать не вышло

и как же славно жить среди жуков
ликует дух что их всегда так много
что каждый расторопен и толков
вертась в избытке воздуха дневного
нет не беда что даже есть медвед-
ки под землей душа им нежно рада
в них правда прелести излишней нет
но мы страшней нас здесь вообще не надо

приятно знать что все они везде
встречаются то есть не мы а эти
слагающие гимны в высоте
и слабые как мысли или дети
жить только ради них пускай летят
кому вся твердь чертог и ночь служанка
а если нас изловят и съедят
то поделом ни одного не жалко

я впрочем добр и даже тех прощу
кто груб за то что певчий вечер чуден
хоть человек подобен здесь прыщю
не зря трудились дарвин и мичурин
прекрасен мир и бесполезна злость
тому кто мрачный но недолгий гость

день победы

умчаться в глушь пока желта в покое
по всей равнине рожь
бери себе правительство такое
какое унесешь

жить наугад невинно и нелепо
на нищие рубли
но это будет государство лета
республика любви

в такой разлуке тверже образ дома
то редкое родство
куда не вхожи ратники газпрома
и фрейлины его

вдали от удали поправить нервы
а то и мозг слегка
где родина шиповника и вербы
россия тростника

весь лес без лозунгов и рек пробелы
проштриховать стопой
здесь если и наступит день победы
то разве над собой

что общего меж их железом ржавым
и обмороком ржи
где в вечной дружбе жизнь не по скрижалям
со смертью не по лжи

ошибка

он думал все путем там бог и петр с отмычкой
умру себе чуток и электричка в рай
он полагал что жизнь была дурной привычкой
а вышло так что хоть вообще не умирай

здесь где в имущество превращены все люди
порочным был расчет на истечение лет
где арфы эти все и созерцанье сути
ни звука и никто не зажигает свет

вот крупская его в трагической одежде
или дружбан в соплях печально кычет речь
а он совсем не там где представлялось прежде
он в месте где не встать кому однажды лечь

наслушался страстей о сказочном еврее
считал что жизнь трамплин а дальше все легко
вот он лежит в гробу и кто его мертвее
спросите у него он умер или кто

снаружи солнышко в траве шурует ежик
большой набор жуков вверху комплект комет
противно умирать давайте жить кто может
а кто не может жить того на свете нет

и разве плохо нам и разве так уж нужно
скончаться насмерть ради радости врага
как глупо умирать пока живые дружно
смешно воображать жемчужные врата

мы все выпускники нам больше бог не завуч
нет с ключиком ни буратино ни петра
пускай вся жизнь твоя была лишь сказка на ночь
она хорошая пусть длится до утра

* * *

чуть гормональная накрыла грусть
и в грудь кольнула
мне выучить мечталось наизусть
стихи катулла

в те дни я ничего не знал о нем
но был позером
и прозябать провинциальным пнем
считал позором

с любой из вас сойду на берегу
или в палатке
и лесбией игриво нареку
гамбит в порядке

пусть вертятся под окнами терпя
как сам недавно
а лесбия любил бы я тебя
когда б не дафна

как щит персея зеркало давно
с лицом горгоны
с катуллом мы почти на равных но
в гробу гормоны

сегодня собран урожай в мозгу
а нивы голы
я выучил и наизусть могу
его глаголы

не потому ль с приплодом голова
что сердце в глине
и на устах все пристальной слова
иной латыни

* * *

у фонарного ночью столба
из кромешного мрака
неожиданно сбилась толпа
дтп или драка

чем им отдых всеобщий не свят
объясни мне бабуля
почему эти люди не спят
скопом кровь карауля

или смена им выпала в ночь
с перспективой отгула
может загодя вышли помочь
но прознали откуда

или всякое горе свое
счет слезам и обидам
тянет к горю как в копны жнивье
как опилки магнитом

я над горем своим не скорблю
над чужим не ликую
я себе среди ваших судьбу
не хочу никакую

парк

ныряло в пруд неловкое весло
с эстрады трель потрепанной певички
хотя в тот вечер мне с тобой везло
я нервничал страдая по привычке
парк был велик в нем бытовала боль
других времен в дубраве за эстрадой
но я не понимал я был с тобой
хоть вымок весь и с музыкой писклявой
я обещал тебе что не умрешь
соврал как мог но ты конечно знала
и умерла и все пейзажи ложь
за исключением парка и вокзала

вот полоса и всем она тесна
меж зеленью и рельсовым железом
там ширины в касание весла
дрожь искушения с дежурным бесом
возьми чуть вбок я здесь сходил с ума
пока цвело и липы подрастали
на берегу шумерского письма
чья глинопись сочинена дроздами
потом чертог свистка и чугуна
портал из пламени в слоях асбеста
откуда отбывала ты одна
оплаченное человекоместо

нам больше не доверят жить нигде
у них в запасе нет другого мира
где тоже отражение в воде
твое и лодка весла уронила
коль в кулаке плацкарта у меня
мент в кураже в буфете кофе редок
понять бы кто такая умерла
и на какой из предстоящих веток
сквер изгородь чугунные цветы
их поливали оловом наверно
и постамент на нем должно быть ты
с моим веслом и гипсовая серна

правда

в час серебряной ночи в логу соловьином лечь
словно листья в лесу голоса повисают с губ
там русалочки дочери ночью заводят речь
о сынах человеческих которой который люб

вот забытыми снами всплывают они со дна
лунной плоти заря за столетье не обагрит
этот будет моим навсегда говорит одна
это суженый мой та что слева ей говорит

а которая справа молчит но ее глаза
как вода вековая в реке как зыбучий ил
заглядишься в зрачки и уйти никуда нельзя
и которого выберет тот ей и будет мил

в деревушке за логом сыны человечески спят
каждый крестик нательный спросонок стиснул в горсти
а в углу где лампада спасительный образ свят
но из спящих ему никого уже не спасти

потому что серебряный им наколдован вред
потому что любовь у русалочьих дочерей
вековая вода из которой побега нет
горше крови людской человеческой тоски черней

если солнце взойдет если чары разгонит прочь
в одночасье русалок сразит смертоносный свет
и к которой притронется та умирает дочь
а которая рядом за ней умирает вслед

но оно не не взойдет и с небес не сиять ему
кто в черненном уснул серебре тот и ай люли
потому что в подводном давно сыновья плену
те кого эти дочери выбрали по любви

сам свидетелем не был но вам рассказал как мог
если правда то вечное обречено червям
а неправду сказал отведите меня в тот лог
и верните без слова русалочьим дочерям

брат 2

чуть полночь с лязгом поползла ограда
надгробье тетрисом на весь погост
мы в августе закапывали брата
а в сентябре там яшень в полный рост

нашли ничком средь скудной пасторали
все в комеди глаза как монпансье
с попом над свежей ямой постояли
вернулись в дом и выпили на все

гляжу в упор не зная в чем неправда
бригадой бы с камазом не смогли
мы в августе здесь зарывали брата
а в сентябре он дерево смотри

все пришлые кого кричать на помощь
им кривотолки воблой не корми
топор проворен по стволу наотмашь
в суставах звон и лезвие в крови

ни ссадины в стволе и узкий лаков
лист на запястьях узловатых рук
ну яшень да его и звали яков
и тетрисы кровавые вокруг

жилец полей где за сто лет ни знака
лишь этих листьев жуткие флажки
я знал что ты и ты конечно знала
что знаю я что ты когда нашли

вернусь к тебе и слов неловких трата
бессмысленна и яшень как свеча
чадит в ночи где погребали брата
весь долгий август заступом стуча

попытка марша

станем жить вполсебя а не то нам
не вполне поясняли за что
заливая гортани бетоном
и железное солнце взошло

голова на размер маловата
но кираса под горлом тверда
к обгоревшим частям агрегата
не подводят теперь провода

не о всех ли до слез беспокоясь
и в прицеле спрямив перекося
нам полярный полковник по пояс
свежий ягель из тундры привез

скромный завтрак простую работу
без единого в пясти гвоздя
потому что не выжить народу
если чьи-то не в землю глаза

чтобы гордость в груди не угасла
озаряя маннгейм и мадрид
наша совесть из нефтеюганска
ослепительным газом горит

пусть этнически чистое тело
за которым хоть с места к венцу
марширует с кем страстно хотело
маневрирует с ним на плацу

и крылато на ангельской дудке
семь голов золотая броня
чтоб железное солнце в желудке
из жерла не жалело огня

пепел беслана

вдоль стены стены высокой в сумерках совы
ходит петр дозором проверяет засовы
ходит петр с ангелами летучим отрядом
на бедре ключ золотой борода окладом

тверда райская стена только стража тверже
бережет сон праведников и явь их тоже
оглядел петр божий мир закатную тучку
видит дитя перед ним протянуло ручку

видно ищет мать-отца да найдет не скоро
тремякратно обошло вокруг стены-забора
только с севера с юга ли все никого там
и подошло в третий раз к жемчужным воротам

не горюй дитя говорит петр не печалься
пойдем глядеть мать-отца кто б ни повстречался
спросим хоть ночь лети напролет хоть вторая
берет дитя на руки и ходу от рая

вот идет петр по миру в калитки стучится
ищет мать-отца дитяти где свет случится
четвертый год ходит слез в бороде не прячет
на плече у петра мертвое дитя плачет

и где упадет слеза что младенца что старца
порастет земля цветом из чистого кварца
светло насквозь горит пламенем камень луг ли
а сорвешь только пепел в ладони да угли

все голоса в сумерках то ли совы кычут
то ли дети кричат во сне мать-отца кличут
вой ветер-ураган райская стена гнется
ищет господь сторожа а он не вернется

ахейская песня

я рос внутри троянского коня
играл в войну ходил к соседям в гости
хотя впотьмах сдирали кожу гвозди
и плотники сновали гомоня
мы даже выпив пели иногда
вполгорла за столом в натекшем воске
где сквозь неплотно пригнанные доски
заглядывала редкая звезда
там в небесах она жила одна
внизу была холодная война

звезду несло куда-нибудь за крит
там нивы целы и скоты рогаты
потом пришли из центра делегаты
с известием что наш проект закрыт
так я увидел город на горе
где афродита поднимала пену
багровую и саша любит лену
оружием холодным на коре
нет стороны которая права
конь юности разобран на дрова

здесь взгляд пристрастен сверху он верней
когда-нибудь и я взойду в светила
в зенит откуда столько лет следила
за мной звезда моих минувших дней
в зазор где мать как раньше молода
друзья поют вполголоса рябину
в холмах увижу прежнюю равнину
где обрекает ревность города
конь у стены как был и мы внутри
не исчезай за крит гори гори

биполярное

в окне с малышами мамыши
авоськи с кульками крупы
мы мирные люди но наши
надбровные дуги круты

ты помнишь как явь наступила
завоз долгожданного пива
запой до заречной весны
в три вахты накатами пота
пока вдоль аллеи почета
рабочие лица честны
зазнобу с цигейкой на вате
в кино сорок первый патрон
и мы не рабы на плакате
а кто мы такие пардон
до выписки самой до срока
руин новогодним огнем
в испарине конусы сока
соседний светил гастроном

мы вышли из прежней икая
и в лучшую вечность вошли
так вот она значит какая
о чем рассуждали вожди
расправила члены стальные
страна отмыкая браслет
стакан бы сюда ностальгии
но тара пуста на просвет
приют на конечной трамвая
где двести на грудь принимая
томатного люди равны
добры санитары в палате
они нам опять на плакате
напишут что мы не рабы

то не ветер

мы маленькие мы каждый лежим в постели
стрижены под ноль на висках синие жилки
мне дали книжку и я читаю про степи
и леса которых в глаза не видел в жизни
люся спящая слева помнит что ходила
в ясли но смысл воспоминания неясен
как ни описывает все темна картина
не могу себе представить никаких ясель
мы больны но ничего не знаем об этом
потому что болели всегда сколько были
многие взрослые добры кормят обедом
взрослые для того чтобы детей кормили

после тихого часа делают уколы
приходит важный завотделения в маске
справа дурно пахнет оказалось у коли
открылись пролежни и он на перевязке
коля когда ходячий важничал и дулся
видел жука и лошадь говорит большая
как слон но после операции вернулся
в гипсе и как мы с люсей молчит не мешая
в книжке пишут про партизана уверяют
что сражен фашистской пулей книжка похожа
на правду одно хорошо что умирают
взрослые а дети знай себе живут лежа

в день когда умер сталин нас носили мыться
плачут а все же моют банный день в палате
люся на топчане как на тарелке птица
ни косы никогда не носила ни платья
пока мы так лежим с ней рядом в голом виде
нас намаывают а санитарка верка
поет про то не ветер ветку поднимите
руку кто не забыл на языке вкус ветра
помню играли резиновыми ежами
почему именно ежами этот день я
запомнил поскольку сталин и мы лежали
в мыле дети эдема в день грехопаденья

биполярное

в окне с малышами мамыши
авоськи с кульками крупы
мы мирные люди но наши
надбровные дуги круты

ты помнишь как явь наступила
завоз долгожданного пива
запой до заречной весны
в три вахты накатами пота
пока вдоль аллеи почета
рабочие лица честны
зазнобу с цигейкой на вате
в кино сорок первый патрон
и мы не рабы на плакате
а кто мы такие пардон
до выписки самой до срока
руин новогодним огнем
в испарине конусы сока
соседний светил гастроном

мы вышли из прежней икая
и в лучшую вечность вошли
так вот она значит какая
о чем рассуждали вожди
расправила члены стальные
страна отмыкая браслет
стакан бы сюда ностальгии
но тара пуста на просвет
приют на конечной трамвая
где двести на грудь принимая
томатного люди равны
добры санитары в палате
они нам опять на плакате
напишут что мы не рабы

* * *

на кольце где последняя самка трамвая
случки ждет электричеством в ночь остывая
провидение прогнуто в форме седла
там вожатый в оскал соискателя пойман
чей чугунный искря эрегирует орган
отвернемся пока возникает семья

в декабре у судьбы искривляется форма
в смысле жертвы саженьями снежного шторма
продвиженья предместий в пургу на аршин
в непосильном за скрежет либидо ответе
черно-бурые плачут звериные дети
и на рельсах железные дети машин

но останется сколько в бетон ни возьмете
после злых машинистов и шпал в креозоте
тишина обведенная в мае огнем
электричество сердца спасенное в громе
и земля меж опорами радуги кроме
метров двух на один остальную вернем

домашнее чтение

почти в младенчестве три ночи кряду
с фонариком листаешь илиаду
родительскую бдительность дразня
там близок зевс там полыхает грозно
копейная гекзаметрами бронза
и из-за баб ревнивая возня

или еще была другая книжка
от школьного евклида передышка
о несусветных подвигах войны
о мертвом камне выбранном посланцем
ступай мол друг и передай спартанцам
что вымерли не персы а они

так сладко в юности читать неправду
что дескать топал александр к евфрату
все ерунда герои и вожди
а старость слизь любая память тленна
и поделом когда бы не елена
не куковал бы в чердыни поди

а впрочем черт минует боль и лихо
все станет одинаково и тихо
жизнь к старости на случаи скупа
давно бы скис и уступил погоне
когда бы не елена в илионе
не яблоко не ксеркс и не судьба

* * *

человек не прекращается
исчезая без следа
просто в память превращается
и собака с ним всегда

прежнего лишаясь облика
словно высохший ручей
остаётся в форме облака
в вечной памяти ничьей

ничего с ним не случается
просто прекращает жить
там собака с ним встречается
или кошка может быть

мертвому нужна попутчица
тень ушастая в друзья
без собаки не получится
одному туда нельзя

слово о слонах

сидишь в кино какао пьешь в буфете
все время мысль преследует одна
как хорошо что есть слоны на свете
как жизнь без них была бы здесь бедна

когда тревога в воздухе вечернем
в печальный час для мира и страны
смахнешь слезу но вспомнишь с облегченьем
как славно что на свете есть слоны

пускай на службе выберит начальство
но стоит лишь оставить нас одних
все мысли о слонах о как же часто
и с нежностью мы думаем о них

возьмите все морских допустим свинок
летучих рыб подземных ползунов
но в сердце есть запечатленный снимок
слона и вы оставьте нам слонов

нам скрашивают подлости режима
отцы и дети жены и друзья
жить без жены уму непостижимо
жить без слонов практически нельзя

жара

жара на пасеке и пруд
в пруду кувшинки
кругом пунктир кротовых груд
и жаб ужимки

взмывает певчая пчела
в зенит ретива
от сотен тысяч пчел черна
вся перспектива

отхлынут крыльями вертя
отливом в улей
я там с отцом гостил дитя
потом он умер

трава в овалах жабьих ртов
вся жизнь и сложность
фортификация кротов
уже возможность

я тоже может быть умру
раз жить так жарко
лицом в пчелиную пургу
уже не жалко

так лучше может быть шагну
чем в дырку дула
в тоннель где в прежнюю жару
черно от гула

ВКОНТАКТЕ

а помнишь пинкисевича илью
который теннис обожал настольный
и в сумерки последнюю игру
под соснами в забытый год застойный

у вас на даче был слепой чулан
с лопатами а может и не ваш но
я там с одной наташей ночевал
или с другой теперь уже неважно

или постой я путаю тебя
и конькобежку рыжую с ногами
движок сдает но будем жить терпя
тряхнем еще а доктора солгали

устроили на речке смотр невест
стрельцова кошку шпротами кормила
я ничего не сдвинул с прежних мест
пусть в голове останется как было

вздремнешь в такси но память как ожог
твой пинкисевич в пароксизме жажды
не плачь ведь мы не умерли дружок
ты разве рыжая была однажды

была и плечи девичьи белы
в саду с настольным теннисом на даче
а если кто-то думает иначе
ты убеди что не было беды

что встал и навестил тебя в сети
беседовал как с лестничной соседкой
щелчок и мячик в паузе над сеткой
пластмассовый игрушечный свети

черемыш

и еще вот такое
в пыльном свете св сквозь прощальное сало людское
ты как азбуку смысла безмозглое слово твердишь
келебыш телемышь черемыш

я тебе не отвечу
повстречаю ночного таксиста прощанья предтечу
с колокольчиком черных ключей и спрошу его лишь
что за адрес чудной черемыш

эти суки таксисты
словно топями выпи и к случке ослы голосисты
нам стеклянная радуга в горле вагона тверда
вот как мы расставались тогда

я и сам если надо
сочленяю фонемы без вящего смысла и лада
небывалого бога взашей заклинаньем гоня
чтоб отлип к ебням от меня

это вещь или место
человечина член чевенгур чебурашка челеста
перочинным ван гоголем смазана кровь и сурьма
в час когда ты сходила с ума

я юлю на платформе
точно кольчатый чукча в пургу в человеческом шторме
в чемоданчике юкола впрок мертвечины куски
пост не сдан отпускайте такси

пусть бы ты перестала
отовсюду гранитно прощаться со мной с пьедестала
всей немилостью глаз и во рту как клыки у моржа
это жуткое слово держа

обольщаться не надо
черемыш это чушь в лучшем случае пригород ада
где над водкой граненой как штык и при всей колбасе
никогда мы не свидимся все

скажи еще

а скажи мне еще что там за звезды стадом
дребезги радуги в глаз если слаб от слез ты
и такой от них запах над лугом над садом
разве это возможно разве пахнут звезды
кто их сбросил наземь чтобы от песен света
разрывалось сердце кто им позволил это

я скажу тебе что за звезды сны дневные
в саду и в поле и светом сочатся часто
их зовут цветами одни весной иные
летом и даже зимой горят из-под наста
или просто ради напрасной славы или
чтобы мы любили землю чтобы здесь жили

а скажи мне теперь что за лепестки праха
что за цветы в синеве трепещут двукрыло
и поют так сладко что не утрашит плаха
и топор лишь бы пели и всегда так было
кто их поднял в небо чтобы от их полета
разрывалось сердце словно влюблен в кого-то

я скажу тебе что там за лепестки плоти
это горние наши сестры птицы ветра
рожденные из персти но живут в полете
как рыба призрак низа птица призрак верха
поют и в синеве раствориться стремятся
чтобы нам с земли радоваться чтоб смеяться

а скажи мне еще скажи мне правду что за
птицы что за ангелы там чередой к речке
голос горлицы и ярче лицо чем роза
жизнь отдать за каждую как мотылек в свечке
жить вечно чтобы глядя как идут мостками
разрывалось сердце синими лепестками

я скажу тебе что за ангелы земные
сходят к реке на закате с печальным пеньем
вот дочери человеческие иные
нам невесты и даже жены долог день им
коротка ночь но с ними мерещится раем
те кого мы любим а потом умираем

тогда скажи мне вот что скажи без обмана
почему случается лишь то что случилось
цветут цветы птицы поют поутру рано
просили солнце сиять оно научилось
сходят девушки к реке рождаются дети
а меня нет почему я не жив на свете

бог с тобой уж если не жив то и не надо
кто не видел дня тому и ночь не настанет
нерожденного мать не оплачет и рада
цвет если не расцвел вовеки не увянет
не упадет птица раз в зените не вьется
у кого нет сердца оно не разорвется

скала

генерал-губернатор пускает рысью войска
легендарный рейд на испанскую батарею
третий год как свернулась кровью густая тоска
ночью чистка стволов утром очередь к брадобрею
из досугов в пасти цинга в голове обман
солонину в зубы с утра сухари в карман
командирская лошадь в котле и к ужину пара
жеребцов лягушатник шлет им повестку с кормы
даже яйцам поклон в гарнизонном супе но мы
не сдадим гибралтара

в пятьдесят восьмом батальоне один за бугром
приспустил паруса облегчить на природе тело
сверху свист над бруствером бошку к чертям ядром
остальной организм орлом продолжает дело
или дамочка тоже чулки надевала в шатре
разнесло в неизвестные брызги по здешней жаре
в гроб на похороны не утрамбуешь пара
из чулок лишь один говорят нашелся потом
на позициях мат но мерещится шепотом
не сдадим гибралтара

эх бы к молли домой да в йоркширские края
тут с соседом как раз об этом текла беседа
вдруг шарахнуло кто-то убит это он или я
но кого спросить если нет ни меня ни соседа
к нам плавучие крепости мчатся член положив
на военную честь неважно кто мертв кто жив
от дурного ядра или солнечного угара
чуть не четверть к вечеру корчевать врачу
все конечности в кучу кал сдадим и мочу
не сдадим гибралтара

генерал-губернатор элиот тот над кем
нынче нет в творенье ни авторитета ни власти
искривляет вселенную в нужных местах систем
в поврежденных атомах переставляет части
мы и мертвые тверже чем небо и эта скала
в штиль словно под стеклом ширина стола
и когда нависнет последний уран удара
испарится время и вечность покажет дно
мы сдадим где положено ветхие души но
не сдадим гибралтара

* * *

осталось несколько событий
неисправимый скоро срок
и жизни медленный строитель
уже отложит мастерок

тогда наступит настоящий
один обещанный тебе
печальный космос состоящий
из четких точек и тире

над этим типографским полем
повиснет может быть одно
наперекор глазницам полым
магическое полотно

и луч в котором мчится мимо
с какой отметки ни начни
все что с тобой при жизни было
и все же не было почти

* * *

биаррица и ниццы
упромыслить не чаял дары
но порой проводницы
на дистанции были добры

можно быстрым наброском
рассказать обнажая прием
о себе и сопровском
как мы в питер катались вдвоем

угодишь в бологое
по дороге на горе оно
всюду недорогое
угрожает изжкой вино

но наутро на невском
забивать в беломор анашу
сверить сумерки не с кем
лучше все-таки сам опишу

а еще как на бис ты
перед свиньями в рифму алкал
разбитные гебисты
подливали нам пива в бокал

всюду литература
мир велик да держава одна
эта родина дура
за кого нас держала она

ни глотка не осталось
кроме нежности или стыда
эта станция старость
доезжает не каждый сюда

на разрезанном фото
расставания схема проста
словно лошади клодта
с двух сторон у пустого моста

наведение на резкость

волхвы норовили в проулок нырнуть сторонась
но заднего хватить не промешкав за охабень князь
ответь мне геноссе кудесник чего я хочу
зачем себе сердце от черной бациллы лечу
по-шведски волхвы встрепенулись а ну как пизды
отвесит но после смелеют в ночи лопоча
в предложенных мальборо пачку вложили персты
и чиркая спичками поняли без толмача

друиды молчат но внутри приготовлен ответ
их вождь ротовое отверстие вытянул в шнур
над скулами кожа на нем помертвела от лет
чьи челюсти жадны до смердых и княжеских шкур
дымок из ноздрей упирается в тучи верстой
ладонь его сложена в жест непостижный уму
где загнуты палец четвертый и палец шестой
а с тыльной изнанки зрачок отражает луну
и конунг на кобре стоит не имея стыда
такой представлял он себе эту встречу всегда

а в баре напротив народ занимает места
похабные ветер развесил по стенам лубки
там голая девка танцует всю ночь у шеста
и зрителям это приятней чем грусть без любви
небесная в огненных жалах сверкает слюда
налогоплательщик ресурсы несет на пропой
на пирсе дозор принимает морские суда
груженые маковой камедью мудрой травой
другой из друидов в дверях с номерком на груди
он членские с членов уплаты взимает поди

становится ясно что волхв цепенеющим ртом
молчит не в ответ на вопрос и вопрос не о том
что зря в неурочную ночь из гортани возник
великий могучий но в сущности шведский язык
князь гость в этом сдвинутом мире где жало сверла
вгрызается в горло героя он пал на войне
где слабый по полной пизды получает сперва
а сильному против того достается вдвойне
ладью снаряжают дружинные богатыри
от волхова волоком с трупом варяга внутри

я тихое сердце лечу на чужом берегу
то щи с люминалом то в борщ пощипать белену
с плеч свинченный череп снимает привычно рука
в нем умыслу тесно но мозг потемневший терпи
коль мальборо в пачке еще остается пока
и пушкин ангорский хвостато идет по цепи

муха

он полюбил обилие травы
в прогулах рам и никель вертикали
с нее свисала ампула в крови
откуда в вену мысли вытекали
любил сестру с дежурного узла
с боекомплектом острого металла
и муху что по куполу ползла
но к пациенту в гости не летала
он ей диагноз умный изобрел
и процедуры прописал в журнале
но верил что она вверху орел
а он земля и в ампуле журчали
короткие как руки времена
когда он думал кто ему она

тому зрачку и мир в упор упруг
кто коротая детство отставное
все полюбил что наблюдал вокруг
зеленое багровое стальное
жизнь заворачивала кровь была
клепсидрой жара даром что чужая
над ним палата плавала бела
в известку зренье жадно погружая
он знал что за стеной жила сестра
уколов совершившая десятки
в чьих автоклавах детские сердца
скучали в ожиданье пересадки
и одинокий но крылатый друг
на потолке имел шесть ног и рук

там ощущая в венах вещество
и в устьях жил железные поленья
он разве знал что мысли не его
а ропот крови доноров с похмелья
зато о мухе знал до боли все
на тумбочке с таблетками лежали
как с воли припасенное свое
чуковского привычные скрижали

все жаловалась нянечка белья
сменив набор что мол жужжу и ною
как будто мухой наверху был я
или она в хорошем смысле мною
звещающим в небесах зовущим ввысь
земля земля я сокол отзовись

двенадцать

рассекал пески помечал года городами
истоптал чешую земную эльдад га-дани
побывал в краях где в небо вращается суша
где река-оберег горит по границам леви
уверял что правда что сам пришел из-за куша
на последней нередко воде и последнем хлебе
раньше с ним путешествовал ашера тучный отпрыск
но в котле каннибала выбыл на вечный отпуск

торговал чем придется а новости не в цене ли
все изгнанники живы твердил мы все уцелели
и куда бы детей завета судьба ни бросала
помни северных братьев пропавших списывать рано
мы ушли от меча и стрел тиглатпаласара
и манассия цел и ефрем и колено дана
все кого извергло на свет патриарха лоно
хвалят господу на золотых берегах гихона

и дивились такому странному гостю евреи
а эльдад умолял их дивитесь но поскорее
если справка нужна от гаона лады пишите
подтвердит гаон а не то от магага свора
на последний погром почему же вы не спешите
мы уже почти опоздали на место сбора
возвратимся в сион предстанем совместной доле
станем все двенадцать ждать машиаха что ли

но пока в вавилоне ярлык оформляли эльдаду
календарь проскочил какую-то важную дату
грохот гойских кирас и лязг сарацинских сабель
в палестине темно от пепла от крови жидко
весь от дана до беершевы вечный израиль
прозвенел и рассыпался в воздухе как снежинка
и в хазарских степях где гаснет в сумерки оклик
затерялся эльдад и его кругосветный ослик

мы еще понемногу блуждаем по этой суше
наши очи померкли наши сердца все глуше
в погребах закатаны на зиму помидоры
во дворе вколотили кол и коза по кругу
на погосте кадиш над гробиком рваной торы
и гефилте фиш в облаках косяками к югу
у костра в руинах стеклянные пальцы греешь
и скорее бы надо и знаешь что не успеешь

пепел гаити

опять не в духе
в живые лица
вонзает когти
неукротимый
директор мира
верховный хрен сам
слезая утром
спеша к престолу
с небесной койки
и трупный запах
ему приятен
над порт-о-пренсом

мы состоим из
кровавых пятен
мясных волокон
в разверстый гравий
рожаем в муках
кривых потомков
от слез и лимфы
ему лишь ярче
лазурный кокон
когда мы смертным
исходим криком
из-под обломков

слаба в разлитых
мозгах на грунте
тверда в граните
земная память
прибоем крови
гробы отпеты
пора припомнить
когда на карте
горит гаити
кто автор смерти
и нашей мнимой
над ней победы

ландшафт с чайками

тишины прошу и тени я
где трава топорщит усики
линзы лопнули от чтения
запеклись мозги от музыки

знать дает себя старение
годы прожитые попусту
и такое настроение
как от опоздания к поезду

на бегу лоснится лысина
грудь с волосиками чахлыми
пот блестит на морде бисерно
серебрятся брови чайками

надо больше жить растительно
без вот этой вашей мистики
дубу голым быть простительно
если облетели листики

а не то стоишь тут в тапочках
с огурцом в зубах надкушенным
и вагон в прощальных лампочках
уезжает вместе с ужином

клубок и прялка

это с брустверов блядь горсовета ракурс такой
чей портфель с недожеванной алгеброй мой или витин
это мать в гастроном на свиданье с потной толпой
но в отъезде отец моему отъезду не виден
опознал бы его если скоро внизу парад
по симметрии звезд и фуражки серого верха
если весело всем транспаранты вовсю парят
там висело сто лет миру мир и с подлинным верно
отслужившему миру сложившему в стог сердца
вместе с алгеброй всмятку и сразу отъезд отца

там где соки и воды висело что саду цвель
и цвело бы как миленькое хули не поливали
там в портфеле карбид историчке страшная месть
и расплющенный гвоздь и заначенный рубль в пенале
мы и сами цвели словно грузди в саду таком
радиатор в подъезде для секса и двор с грачами
мы построили парусный как парфенон обком
чтобы господу было на чем отдыхать очами
то откусит от ночи господь то от дня отъест
то отлучка в булочную то вообще отъезд

я над городом висну не ведая отчего
золотая коса наотвес а душа в темнице
у меня в тылу на три четверти небо черно
если три с половиной четверти в единице
тут бывало с горынычем в парке один на один
после чмок царевну и вмиг обернется жабой
витязь в луже в дугу погляди лежит нелюдим
там где соки и воды но ведь не от них пожалуй
сколько раз во сне на косе вертикально вис
столько раз на постель в тоске опускался вниз

ты теперь как театр только сцена внутри тебя
но темно и куда ни сунься в занавес мордой
это кажется жизнью но прежняя жизнь текла
а другая промерзла насквозь и осталась твердой
возвращается с прялкой мать и отец с клубком
вот умрем все вместе и примемся жить как жили
здесь проспекты из яшмы из халцедона обком
многослойный сон сколько дыр уместилось в шиле
с минарета господь распыляет дуст в небеса
до земли висит золотая его коса

* * *

в последний раз ты помнишь все слова
там мысли не слышны работай ртом
она ему подскажет их сама
сначала да подскажет а потом

запомни вера истина семья
любовь страна родители цветы
а как узнать что это вправду я
все сходится не можешь быть не ты

вот здесь на сто двенадцатой смотри
на незаметной станции в глуши
но если вдруг невмоготу сотри
а если все получится впиши

ступай где сухо степь дорога двор
не по воде постой ведь это пруд
она его научит договор
нет не летай неправильно поймут

мы остаемся здесь мы смотрим вслед
но пеленга молитва не берет
щипцы твой первый крик твой белый свет
спасибо я запомнил все вперед

* * *

под накатами вглубь этажи
нелюдская сподобила сила
отчего их так много скажи
почему в них так стремно и сыро

замурованы горе и грех
в огнестрельных поместьях стрекала
чтобы кровь убиенных не вверх
а в геенну по стенам стекала

там над пенным потоком с моста
с голубком погребального бланка
кто хотел тебе боли москва
и когтил твое лыко лубянка

кто живет под бетонной горой
подземелье рычаньем печалит
но потребует крови второй
полный чан из метро получает

не исчерпан лимит годовой
сталактитами в челюсти скользкой
по рождественке в грунт головой
и от спасской ручьем по никольской

крылья

когда избу на заре запирала
всех заплакать о себе собирала
придорожных из кювета кикимор
буйных леших из заречного бора
а русалок приглашала на выбор
но пришли толпой для полного сбора
припелось еще печальное что-то
из-за черного как полночь болота

нагляделась на любимые лица
больше здесь я говорит не жилища
обрекли меня стыду и бесчестью
злое горе мне судьба причинила
словно вынули из воздуха песню
словно солнце окунули в чернила
ни ногой теперь назад ни версты я
невозвратные мои золотые

и заплакали тогда и завывали
в соснах совы загудели забили
а печальное из чащ где трясина
не имеющее формы и вида
проводило до калитки спасибо
ковыляло до плетня деловито
остальные обнялись поревели
и остались жить одни как умели

долго шла через покосы и пашни
в край где грохот и стеклянные башни
в небесах стальные птицы летали
в стороне обосновалась неблизкой
и приматывала крылья бинтами
и работала потом программисткой
прежней жизни от нее ни привет
далеко должно быть за морем где-то

отчего мы с ней не за морем вместе
слишком много там для нечисти чести
ни слезинки у реки ни укора
чахнет чаща в непричесанном виде
мы от века не имели другого
представления о свете и быте
небо черное в трясине качалось
лишь бы время все текло не кончалось

зеркало

в эти тревожные минуты
наши мысли почти неминуемо
устремляются к императору
как ему одиноко в ледяном дворце
и почему он все время молчит

у яшмовых ворот толпа затоптала шпиона
гарнизон на востоке остался без риса
ходили слухи что велено посылать
юных девушек для полкового котла
не верю но младшей соседской дочери
нет уже второй вечер

новый слуга вернулся лишь около полуночи
без шапочки и от него пахло вином
рассказывал что чжурчжэни уже в столице
и что кровь на площади у жемчужного храма
стояла по щиколотку как черное зеркало
последнее время он невыносимо груб
надо велеть управляющему высечь
эти чжурчжэни для них только повод

навестил достопочтенный советник и
с листками танской каллиграфии
купил за бесценок у букиниста
бесценок и есть но было неудобно
огорчать друга велел подать вино и сливы
из последнего запаса но того стоило
давно так чудно не коротали вечер
на обратном пути достопочтенного и
выбросили из паланкина и забили палками
эти чжурчжэни у них только предлог

снова горит но теперь на западе
стражникам работы по горло
старый халат сваялся и не греет
надо бы отправить за хворостом
но некого и вряд ли кто продаст
как прекрасна луна в черном бархате небес
в черном шелке дыма

похоже горит у самого дворца
с той стороны где конюшни и гарем
кисти давно не чищены и тушь пересохла
император богоравен но и он боится
мы знаем что он боится за нас
но у нас уже не осталось для него
слов утешения

танго на юге

парк культуры и танго на юге
стисни тело и алчно молчи
по кустам соловьи друг на друге
с полутакта кончают в ночи
заводи аргентина и торрес
нам лолита в трофейном кино
несусветную юности повесть
как мы молоды были давно
бертолетовой солью набита толпа
вьются попы в рискованных па

соискатели виснут на телках
в каждом спермы примерный ушат
хулиганы в окрестных потемках
обреченно штанами шуршат
массовик над баяном рыдает
поверяя секреты судьбы
соловей в соловья попадает
человек в человека увы
но смелей под аккорды слияния уст
закипающий в лифчике бюст

полыхают сердца как поленья
под котлом нас ведь тоже пойми
все с путевками для исцеленья
разных язв но и страсти полны
расспроси с глазу на глаз любого
чем он занят в уборной с утра
видишь светка стоит как свобода
с фотокарточки делакруа
с этим фактом пора управляться самим
мы любых соловьев посрамим

лейся біле міцне и фетяска
в пойму годы с собой унося
сумасшедшее танго бердянска
угорелая молодость вся
ледяными людьми переполнит
мир по горло свои полюса
наши пляски едва ли припомнит
той приморской земли полоса
где о шест мироздания терлись тела
и какая свобода была

пиктограммы

был в хлам в стратосфере но ближе к снижению ожил
в центральную рысью и груз на ура растаможил
врачуя похмелье в гостинице выпил с одним
и вышел на двор и пустая страна перед ним

он видит безлюдье на ржавой земле ни травинки
латунное небо с бесплатным набором планет
с ворот космодрома где створок снесло половинки
слепое табло извещает что вылетов нет

он здешних кровей на капотнинском обе могилы
покуда судьба в кругосветную с мест не смела
нашарить бы номер на тусклом квадрате мобилы
но там пиктограммы в зрачки нелюдские слова

обратно под кровлю отеля где медленно между
пилонами вход мельтешит круговыми дверьми
а память трусливо скулит об оставьте надежду
какую надежду он верку оставил в перми

задраена дверь над толчком вентиляции дыры
подушкой стакан с умывальника в сумке еду
он здесь с образцами продукции вез сувениры
теперь распакует и все остается ему

он выпьет сперва на столе аккуратно расставит
фарфоровых кошек драконов слоновой кости
стекло подморозило больше оно не растает
прощай за порталом надежда и верка прости

* * *

история струится на дворе
судьбы царица
как предсказал анри пуанкаре
все повторится

сам воздаяние себе и мечь
свой суд без слова
едва отдышишься от жизни здесь
начнется снова

притерта биография к вещам
вся в адской саже
она как фридрих ницше обещал
у нас все та же

надежда свидеться соблазн обнять
живых кто ближе
но там ведь ты появишься опять
всегда все ты же

* * *

напрасно в направленье ада
прокладывать загробный путь
давайте умирать не надо
продолжим жить куда-нибудь

пусть било нас и обижало
надежда выжжена в груди
но там же обнажает жало
такое что не приведи

ведь жив же каждый жабры грея
под общим солнцем без труда
я к вам привык за это время
зачем расстанемся тогда

жаль что однажды как цунами
слизнет и больше ни души
есть и плохие между нами
но мы и сами хороши

нас мало канарейка мышь ли
зимой озябшие в пальто
живите все какие вышли
и все простите если что

рука

вот подходит к вагону один из дядь
перед ним страна велика
а в руке у дяди ручная кладь
для того ему и рука

габардиновый клифт деловитый взгляд
мы и сами к свистку спешим
я уеду с родными куда велят
подрасту и стану большим

полубокс в велюре и плеч ширина
но не вспомню себе на беду
очень маленького стоящего на
том перроне в дальнем году

это белгород что ли днестровский глядь
невдомек спеша по часам
что одним и тем же из этих дядь
остаюсь навсегда я сам

обогну малыша и в купе скорей
второпях судьбы не пойму
и рука неразлучной клади своей
не отдаст опять никому

третья попытка

сперва спаситель посетил стрекоз
личинок нимф и слюдяных имаго
но в миссии случился перекося
им и без рая радости немало

затем он был рожден среди червей
дать им понять чего греша лишатся
нет участи чем под землей черней
и черви адской муки не страшатся

чтоб не было ошибки в третий раз
болея о душе а не о теле
презрел сомнения и выбрал нас
а мы с ним поступили как хотели

но он воскрес чтоб богу рассказать
про бесполезность рая или ада
одних на свете незачем спасать
а остальных вообще спасать не надо

смерть дидоны

бросит серп землероб и каменотес кайло
в почерневшей лазури из ангелов никого
спят сопя светила лишь с берега шлет гора блик
но в сожженном зрачке ее отражение ложь
странник нижнего неба куда ты всегда плывешь
золотой кораблик

если предок в пещере не изобрел огня
не барахтаться в браке до остального дня
полоснешь серпом и легко пребываешь холост
золотой на волне долговое письмо врагу
землероб ли да с каменотесом на берегу
собирают хворост

догори дорогая рубиново меркни спи
корабли на воде словно скифы в пустой степи
или блохи в руне олимпийским гонимы гневом
сокрушителям башен не стоила троя труда
всхлипнет море и вспомнит кем оно было тогда
затонувшим небом

на истлевшем сердце парусный светел след
искривляет время коралловый твой скелет
но на звездном заднике смазан в туман от ветра
только грунт елисейских раздолий реально тверд
только знает любовь кого заманила в порт
и кого отвергла

рапорт

на приморской где кафельные дома
уверяли что игорь сошел с ума
что мозги мол высохли на корню
и внезапно игорь понес хуйню
о пришельцах которые среди нас
для гипноза газом туманят глаз
сами ящеры по природе
и его родня увезла в село
я и видел его только раз всего
он тогда был нормальный вроде

увезли и ладушки снят вопрос
но хуйня которую игорь нес
все сочилась исподволь из села
вот ведь блядь некстати судьба свела
не моя ли в этом милорд вина
хоть и крепок газ но иным видна
вдоль хребта пила и трезубец
на хвосте шизофреники наравне
со шпионами как бы не обо мне
на приморской бубнил безумец

я вину милорд искуплю свою
я до блеска вычищу чешую
и в броне нефритовой до бровей
выйду в сумерки с бритвой на их бродвей
у кого реле развело в груди
на любого паяльник найдем поди
только газу погуще дайте
если надо пешком до села дойду
им не снилось даже в каком аду
навсегда поселил их данте

не над ними ли мы поглумились всласть
всю советскую им отмеряли власть
хоть ослаб каркас но фундамент тверд
этот игорь в графе у меня милорд
чтоб мне в топке урановым пнем гореть
мы хуйни от него не услышим впредь
некролог ему мелкой версткой
с остальными справимся к январю
я ведь знаю милорд о чем говорю
я давно живу на приморской

экспликация

и правда ну как он ходил по воде
которой мы в мире не видим нигде
загадка глухих незапамятных дней
вода что мы помним сегодня о ней
она состояла сама из стекла
но если сосуд разбивали текла
с ненастьем с извилистым устьем
она была ртутью допустим

а как он спустился в пространство с креста
которое просто пустые места
какому зиянию выпала честь
пустое порожнему чем предпочесть
наверное плоскость свисавшая вниз
в надежде на горизонтальность абсцисс
и на ординат постоянство
я так себе мыслю пространство

но вот что уж точно уму невдомек
он в небо вознесся как серный дымок
я кажется понял какая вода
но что за нелепое небо тогда
считали что купол висел голубой
но здесь я сынок солидарен с тобой
хоть гвоздь волокно пробивает
но неба потом не бывает

так камень-дитя перед самым концом
беседовал с камнем-отцом

долг очевидца

а кто им расскажет какой синевы
с холмов небеса нависали
фактически некому если и вы
о них не расскажете сами

зима очевидца слепила бела
кишащая волком и лосем
весна наступала и осень была
хорошая все-таки осень

я знаю что дальше пространство черно
увечит в зрачке чечевицу
на свете фактически нет ничего
о чем сообщить очевидцу

но тем и важней обитателям тьмы
когда возникают и если
все то чему были свидетели мы
пока мы еще не исчезли

и кто же им бедным расскажет другой
о том как земля вымирала
и млечная пыль выгибалась дугой
над темной каймой минерала

декабристы

стемнело вломился тарасов
как лишний фломастер в пенал
он спал на одном из матрасов
а я за столом выпивал

с такой практиканткой приятной
из питера в наши края
свидетелем встречи приватной
тарасов валялся храпя

однажды приезжий из тулы
он прибыл тогда из тавды
а мне полагались отгулы
за наши в надыме труды

беседа провисла и вялость
росла в натюрморте стола
вначале она уклонялась
потом наотрез не дала

и я примостясь очумело
к тарасову думал о том
что любви сопящее тело
укутать бы надо пальтом

мы полночь исправно проспали
когда нас гунявый генсек
за доблесть и выплавку стали
поздравил по радио всех

в редакции больше запасов
не сыщешь лишь снег за окном
храпел на матрасе тарасов
и люба на стуле складном

дремала тогда ее сразу
как в цирке к вольере слона
подвел я к другому матрасу
а то не доперла сама

и медленным чувствам в подмогу
мозги разминая рукой
гадал что за любя ей богу
и кто мне тарасов такой

в свинцовом хмелю неказисты
зачем свою приму куря
сошлись мы втроем декабристы
в прощальном числе декабря

чья полночь свищами висела
свой гной накопив на года
над снежной геенной генсека
где нас разместили тогда

про кота

мы сбились вокруг полевого котла
его опрокинутой бездны
где черное небо сгорело дотла
и звезды ему неизвестны

нам было вдомек что отныне одни
что порознь дороги опасны
и если горели на трассе огни
то слабо и скоро погасли

и каждый задумавшись кто он такой
себе наваждением казался
в попытке проверки трусливой рукой
обугленной ночи касался

один размечтался что видел кота
хвостатую выдумку божью
но будучи спрошенным где и когда
заплакал над собственной ложью

мы спели бы вместе но все голоса
снесло изнурительным кашлем
такая случилась у нас полоса
ни слова ни голоса в каждом

и кто-то напомнил в припадке стыда
соседям по угольной луже
что так оно с нами случалось всегда
и впредь повторится не хуже

сначала в потемках дурак о своем
коте заведет ахинею
а после мы общую песню споем
и снова не справимся с нею

палимпсест

однажды мир который был исчез
в сети координат в ее деленьях
от силы оставался как бы лес
но без животных неба и деревьев

не соловьи совсем или цветы
в том прежнем ради запаха и пенья
но он исчез и в нем исчезла ты
ты в нем жила для нужд исчезновенья

и я в воображаемом лесу
пока навеки не иссякла сила
стал богом и решил что всех спасу
по памяти все воссоздам как было

есть время правды и мое пришло
на результат гляжу едва не плача
как все печально вышло и смешно
лишь соловьи или цветы удача

в повторном мире пасмурнее днем
и тягостней чем ночью было в старом
а что до неба лучше мы о нем
и разговора затевать не станем

нет выхода иначе как терпя
существовать и смерть копить по крошкам
а то что в этом мире нет тебя
быть может знак что не было и в прошлом

в толпе задетый невзначай плечом
теперь от встречных отвожу глаза я
они поймут кого винить и в чем
когда весь мир померкнет исчезая

баллада канатчиковой дачи

внезапно он впал в непонятки
и был на лечение взят
в приют где крутые порядки
лет может быть сорок назад

сестра выдавала таблетки
для восстановления сил
хранил их в бумажной салфетке
и новых исправно просил

в палате лежали больные
от жутких видений крича
с уколами в жопах иные
и не было к двери ключа

психический с фиксой в оскале
сновал среди коек как рысь
а к будке во двор не пускали
друзьям позвонить и спастись

тогда он решил притвориться
нормальным как эти врачи
нащупав где вроде граница
рассудка светилась в ночи

и мир показался понятным
известным как меньшее зло
с жестоким режимом палатным
расстаться ему повезло

он вырвался заживо с дачи
где дух у иллюзий в плену
а может все было иначе
и только казалось ему

что прежняя жизнь продолжалась
что осени краски пестры
и лишь мимолетная жалость
мелькнула в глазах у сестры

когда в простыне выносили
впотьмах санитары труда
чтоб в бедную землю россии
зарыть и забыть навсегда

где так и лежит он ненужный
свою отстояв правоту
и лес полыхает наружный
как фикса у психа во рту

* * *

нектар таскали и пыльцу
сквозь сотни трудных миль
но время подошло к концу
пора валиться в пыль
ум посерьезнее чем мой
велит свернуть дела
зачем тогда я был пчелой
зачем была пчела

ум посерьезнее чем мой
идеей обуян
что жизнь была один сплошной
оптический обман
что уж мираж в густом хвоще
и аист и вода
и никакой пчелой вообще
я не был никогда

а я уже лежу в пыли
и возразить нельзя
но все-таки цветы цвели
их хватит за глаза
все лето в толчее речной
я трогать их любил
вот почему я был пчелой
вот почему я был

* * *

когда-нибудь я вспомню все что знал
и все что вспомню рассую по полкам
и даже тем чего не вспомню толком
набью до люстр библиотечный зал

пусть служит мне последняя своя
просторная хоть и на склоне века
александрійская библиотека
где все из бывшей памяти слова

не упущу в реестре ни одно
из прежних лиц что радовали око
но горько будет мне и одиноко
глядеть в библиотечное окно

под визги сверл и циркулярных пил
сквозь стеллажей ажурные границы
от неудачи в поисках страницы
где было про тебя но я забыл

* * *

за ближним востоком есть дальний восток
там был в старину император жесток
из жителей жег смоляные огни
чтоб ночь со стены освещали они
а днем подмываемый ленью
был слаб к соловьиному пенью

за ближним востоком есть дальний восток
там новые сутки пускают росток
давно император вмурован в скалу
но в чанах начальники месят смолу
вперяя чиновные очи
в чертог наступающей ночи

за ближним востоком есть дальний восток
там птица садится на шаткий шесток
там ходят у самой рассветной каймы
примерно такие же люди как мы
по каменным стенам и башням
огнем полыхая всегдашним

каплан

в овраге катаракт в краю поганом
где камни на сочувствие скупы
полуслепая женщина с наганом
лицом к лицу с немилостью судьбы

ну дурь курила бы или хромала
а то глазным изъяном подвела
кто ей диоптрий отслюнил так мало
что целясь в зло она не видит зла

и будущее алыми волнами
толпу смывает с пирса как котят
судьба одержит верх что будет с нами
хоть с тем же мной когда меня родят

в стране где вся навыворот плерома
под сажей божий промысел угас
история на месте перелома
срослась но кости вдребезги у нас

плеснешь в стакан но утешенье мнимо
и вымучен зовущий к бунту стих
на стогнах где всегда стреляют мимо
очкарики поводыри слепых

имена

для простоты он поступил ребенком
в одну семью и тем закрыл вопрос
поскольку ничего не смыслил в тонком
регламенте а ел себе и рос
и приживаясь в их белковом мире
как будто в пазле складывал куски
знал например что дважды два четыре
но в школе ошибался у доски
составил опись бабочкам и птицам
учил язык и точно применял
и приглядевшись к их двуглазым лицам
мать за отца уже не принимал

он выдюжил лиха беда начало
где прежних жребий ожидал иной
но что его от местных отличало
так это страсть к скитаньям под луной
беседуя с созвездиями немо
личину прочь пока спала семья
он мог легко ночную карту неба
нарисовать он знал ее всегда
светясь как фосфор где ключей и речек
журчание до утренних лучей
он смутно понимал что он разведчик
и резидент но плохо помнил чей

но после школы воротясь к обеду
сдвигая ложной личности слои
шифровки отправлял на андромеду
своим хоть и не помнил кто свои
худющий в вечных ссадинах на коже
лет десять но на вид и тех не дашь
как жаль его он был ребенком все же
мы были все уверены что наш
а на борту в их орудийном зале
пока всерьез не вспыхнула война
все призраки уже прекрасно знали
птиц и цветов чужие имена

КОНИ

над речкой стояла изба кузнеца
под копотью плотной и потом
никто различить не пытался лица
мы знали по грохоту кто там
страшней колдуна и кощея худей
он плуги прямил обувал лошадей
как ворон кувалда летала
под черную песню металла

ночные куранты над скудным жнивьем
в ноябрьской предательской жиже
мы слушать к плетню приходили втроем
ни порознь не смея ни ближе
там пламя ночами пылало года
и если он спал мы не знали когда
гремела печаль вековая
всю правду из недр выбивая

но только однажды он лег на кровать
покорной сказав половине
что больше коней не намерен ковать
что кони свободны отныне
и мы прибежав с ежедневным огнем
лицо человека открыли на нем
нездешним отмытое светом
мы вскоре окажемся все там

наутро сказала что будет ничья
и сгинула как не бывала
соперника вскоре нашли у ручья
украдкой родня отпевала
не мой ли черед позабросив дела
куда эта песня упрямо вела
где кони без шрамов на коже
свободны и всадники тоже

ОКНО

в произвольном окне зажигается свет
пешеход запустивший монету
замирает но чуда внезапного нет
он и правда любил но не эту

как попало одет неказист небогат
а квартира поди угловая
и монету которой в окно наугад
он вначале берег для трамвая

он растерян но стекла хотя бы целы
память всмятку с минувшего года
не дадут в угловой настоящей цены
за ошибку в душе пешехода

почему же тогда не отходит она
занавеску в ладони сминая
но упорно вслепую глядит из окна
очевидно ошибка двойная

или ложная память в карьер по пятам
под сиянием диска серпа ли
ночь в которую оба искали не там
и в совместной ошибке совпали

пусть стекло где не всякий вчерашнему мил
на лету опрокинет монету
на орла он когда-то не эту любил
или просто не ту а не эту

xix

еще девятнадцать в колонке века
двадцатый в пустую не вписан пока

хрустальные звезды в арденнах видны
и не было этой проклятой войны

в одессе акация не отцвела
весь дрезден в заре хиросима цела

со временем кафка напишет роман
о жизни где видимость все и обман

потом нам платонов расскажет о том
что цель пролетарского рая фантом

но здесь мы еще не предупреждены
и наши любимые не рождены

под линцем убийца пока не попрос
есть время задать неизбежный вопрос

так небо светло и прозрачна вода
зачем же все это случится тогда

элегия о раковине

мы собирали раковины на
жемчужном побережье океана
из них мое внимание одна
изяществом сугубым приковала

я знал что в ней существовал червяк
он по линнею был моллюском то есть
но сдох и лучше так как он чем так
как мы закончить жизненную повесть

я грустно осмотрел свои штаны
и выразился на чистейшем русском
сообразив что судьбы не равны
и в ящик веселей сыграть моллюском

поскольку в светлом будущем никто
в своем уме палеонтолог даже
не примется в песке искать пальто
не станет собирать штанов на пляже

пусть червяка не вспомнит ни один
но кто несокрушимую как атом
обдует и положит на камин
подержанную челюсть с имплантатом

ты скажешь селяви но лучше б ты
молчала в тряпочку наступит утро
ни геометрии ни перламутра
от нашей не останется тщеты

* * *

пусть это будет старый новый год
с тем опытом что на ту пору нажит
пусть на тахту замшелый ляжет кот
куда он больше никогда не ляжет

в гостиной елки пыльная метла
слеза стекла на лапе как помарка
в своем глазу она давно мертва
но им с котом еще тянуть до марта

и кот встает его зовут дела
он крен дает под бременем артрита
на брюхе шрам пылает где была
резекция и шерсть еще обрита

теперь смотри отсюда что почем
очки на плешь колени к подбородку
в той точке времени куда ручьем
стекали с плеском годы под решетку

ах елочка недолгих снов дружок
когда в фольге сиял орех на ленте
пружина бакелитовый кружок
с девичьими алло в ассортименте

прибор умолк и слух простыл о том
столетье в рытом бархате и вате
пора прошла а кто в ней был котом
снят с должности и обходной на вахте

отныне память мозгу не слуга
ей пофигу откуда и куда ты
пусть склеивает сутки в слой слюна
и свернутая кровь скрепляет даты

нам позарез к весне вернуться в лес
на хвойный старт откуда елка родом
где снег в глаза и мгла наперевес
куда твой кот уходит вместе с годом

ктесифон

жеребцы из-под панцирных шкур источали пар
вверх по тигру на ктесифон пустовала трасса
мы лелеяли древнюю в лагере возле карр
мысль о мести за злое золото в глотке красса
в том конце где ночь распрямляет свой млечный хвост
и светила вразброд без паруса и кормила
нас покинул последний кто помнил устройство звезд
иерархию сфер и другие секреты мира
пал под пикой засланца распятого мертвеца
кто имперской славой бредил ночью и денно
чей холодный огонь не умел зажигать сердца
только в тесном своем до конца пламенел отдельно
ни родного на тысячу миль очага ни родни
он оставил нас мы теперь среди них одни

не подмога огню рука непорочной жены
и жрецу праматери в космосе одиноко
алтари повержены храмы сокрушены
понапрасну пялится в тучи этрусский дока
мы испили до дна ледяную реку стыда
за того кто уже невредим за порогом боли
это был наш последний бросок наш марш навсегда
и под пиками падали в пепел бывшие боги
этим темным теперь в колизеях шугавшим львов
повергавшим без жалости навзничь наши кумиры
добровольных рабов перетрусивших душ улов
чем стервятников предки на пыльных полях кормили
как на пленке петлей умирает в который раз
отомщенный траянном но преданный нами красс

но и нам в запредельных полях пора суждена
перетерпится смерть и спадет пелена обмана
над невидимым небом поруганная страна
распростерта опять от инда до стен адриана
мы встаем из-под плит чтобы слава не умерла
за предвечной чертой где у них в головах пробелы
и невидимый им вексиллярый вносит орла
сквозь колонны курии к алтарю победы

прежде золото глоткой затем из зрачков лучи
иерархия сфер но и пращурам здесь не враг ты
плодоносит лоза до земли срывай и топчи
мир где месивом персы месии и катафракты
в колеснице света кесарь въезжает в рим
он командует нам горите и мы горим

юбилейное

вдоль насыпи в кустах прожектор с вышки
страна снаружи в сумерки пуста
попутчик рассовал по рангам фишки
и вдумчиво ушел за полвиста

что стало с населением окрестным
зачем печаль на жителей скупа
здесь слишком часто с ордером арестным
их навещала полночь судьба

вбивали в план пуды и тонны вала
и монументов свору возвели
но выживших с тех пор осталось мало
не приподнять народа от земли

когда еще на звук стреляла стража
когда мой поезд ездил под столом
там в кунцеве где перекресток страха
околевал на даче костолом

на трубной чернь о милости молила
бил паралич кровоточила речь
но вся страна с тех пор его могила
нет места в грунте мертвому прилечь

чем ночь длинней тем память в ней короче
не бог весть что в итоге за чины
мы спрятались в купе и пишем сочи
из всей истории исключены

задернув шторой ночь где крылья кармы
расправленные плещут над страной
я струсившему открываю карты
чтоб третьего оставить без одной

мы милостей не ждали от погоды
и трупный ветер выл над полотном
на аркалык где вышки-пешеходы
сбивались в стаю под моим окном

рассуждение о методе

как-то в самом устье марта в день рождения декарта
в центре пасмурного квинса без работы и семьи
в транс впадал я понемножку окуная в кофе ложку
вспоминал жену и кошку жизни снятые слои
и расслышал как бы мысли безотчетные свои
вслух je pense donc je suis

дождик шел на свете мелко на окошке грызла белка
скорлупу куда время у станка сучило нить
но над дверью было пусто ни тебе паллады бюста
бюстов здесь давно не густо лоб поэту преклонить
кто французскими словами в ком вообще такая пруть
молвил мыслить значит быть

верх ли глуп наивен низ ли сам я чужд малейшей мысли
существую но не слишком без глубоководных дум
грустно истине отныне повтори хоть на латыни
сын беслана и катыни белке сват и сойке кум
что за чертова загвоздка как проник в звериный ум
бред cogito ergo sum

думать лишнего не надо нас покинула паллада
и сова ее в чернилах растворилась не спеша
вреден легким шведский климат найден труп и чисто вымыт
жизни мертвые не имут а казалась хороша
даром что ее в разлуке коротали кореша
наше тело и душа

лучше жить в дождливом трансе в квинсе c'est ce que je pense
демон демону сигналы шлет на спрятанной волне
поздравлять реальность рано смертный ум юдоль тумана
от повторного обмана вред философу вдвойне
есть лишь слабая надежда что в большом загробном сне
все исправится рене

царская прогулка

государь выезжает на площади и в сады
в орденах до бровей и гвардейском прикиде свежем
благодарные русские рыбы из невской воды
с кружевными платочками в лапках вслед за кортежем
остальная растительность истою вдоль реки
рукотворцы христа спасителя и транссиба
на мышах от юдашкина форменные армяки
из которых летучим конкретное всем спасибо
тремякратно рявкнут осанну и вся недолга
и монарх моноклем сверкнет молодца ребята
в золотой портупее за ним товарищ яга
и товарищ кощей и другие светила сената
но увы за кустом нигилист все устои прочь
мечет мину в царя и мир покрывает ночь

государь громоздится в пролетку в повторный раз
сплошь титаном обшит чтобы публика не шалила
у него храповые колесики вместо глаз
и нога наотлет где сорвало шпонку шарнира
креатив обрастает лайками первый нах
в каждом горле ура и во всякую пасть по водке
уцелевшей ногой государь привстал в стременах
впрочем вру ради рифмы зачем стремяна пролетке
ход истории выправлен время не вон из рук
все как встарь на валдае и подданные поддаты
но опять этой адской машинки внезапный звук
ордена в окрошку в багровый кисель солдаты
мы по пояс из грунта ботвой трудовой народ
нас мутит от восторга а многих почтительно рвет

состоим под надзором карательного полка
эту честь получали от власти уже не раз мы
государь в голове он лишь дерзкий проект пока
но алмазные зубы верняк и глаза из плазмы
фоторобот в пролетке в задумчивых тучах чело
а с запятков стреляет очами народный отчим
по обочинам где бы орде обустроить чего
обустроим блядь чтобы блядь неповадно прочим

то ли регент в брегете милорд иглы и яйца
то ли мать героина чья вечность метла и ступа
вот кому посвятим в промежутке наши сердца
и другие органы не покладая трупа
с ними космос наш как бы ни был далек и мглист
в чистом поле куст за кустом стоит нигилист

теэтет

в это стертое напрочь с жесткого диска лето
был от люды одной с воровского без ума я
и читал взахлеб довоенного теэтета
ну ни строчки в нем ни словечка не понимая
изнурял мозги трепеща в ожиданье чуда
что мол дескать когда одолею премудрость все же
за духовный подвиг даст мне любая люда
как светилу ума да и всякая света тоже
это к слову пришлось ни ногой не совался к свете
все для люды единой ни мысли тогда о вале
и не то чтобы свет там клином на теэтете
но попроще в открытом доступе не давали
с той поры к ледяным сердцам заросла дорога
теэтет хоть и стал пояснее но ненамного

а когда с воровского люда повышла замуж
и познала изнанку мира в экстазе в поте ль
и с платоном и с девками я управлялся сам уж
а потом появилась ты наступил аристотель
я упрямо пытался встать на сторону света
на дорогу правды сквитаться с рекордным счетом
при посредстве *ceteribus paribus* теэтета
никамаховой этики и уж чего еще там
почему ощущения не умножают знаний
а суждения лишь добавляют уму работы
или как ты тогда ухитрилась поймать нас с таней
и куда ты ушла и вообще не припомню кто ты
с кантом все у меня выходило на диво гладко
теэтет же ну вот ведь блядь по сей день загадка

невелик мой день занимается ночь темнея
все длиннее тени на дальней стене подвала
перед тем как померкнет свет возьмусь за тимея
чтобы хоть голова понапрасну не пропадала
или вот на что я очень надеюсь тайно
что еще до ухода возьму одолею куайна

я там не был лет десять памяти и в глазах нет
только в бывшей весне нацедил старожилу виски
никакой уже людой конечно нигде не пахнет
единички с ноликами на жестком диске
на толкучке вдруг в адидасах философ ямвлих
отставной козы продавец молодильных яблок
и живой воды не без запаха перегара
но ларек на замке перекрыли подвоз товара

дорога в чермашню

создатель придумал птенцов и котят
в тогдашней решимости твердой
теперь эти кошечки птичек едят
кровою осклабившись мордой

он лучше бы дизельный вставил движок
соляркой богата округа
но пищеварительный орган отжог
и мы поедаем друг друга

шуршат по утрам котофеи листвою
под кронами лип или вязов
но верю что есть и меж кошками свой
хвостатый иван карамазов

под небом где вызрела звездная кисть
он знает кто в мире обидчик
и братца подучит папашу загрызть
за то что он мучает птичек

но истинной правды что вебрь что нарвал
дождутся при жизни едва ли
а что обкурившись исайя наврал
на то и травой торговали

накинутся вмиг с простынями и вот
глаза от сородичей пряча
на койке с уколом покоится кот
в обители скорби и плача

забывший добычу отвергший улов
коль совести кровь не под силу
он свой неразменный на сотню щеглов
билет возвращает кассиру

угол зрения

я трудился обходчиком на полустанке одном
то да се по хозяйству и жил бы себе постепенно
но с полгода тому аккурат под моим полотном
двинул речь предместком и зарыли меня под шопена

разводил бы кролей только дохнут у нас от жары
все в район собирался кино у них там или книжки
а теперь если б даже и были в орбитах шары
перспектива тесна ни хрена не видать кроме крышки

ты в натуре братан я такие расклады ебу
этот прелый пиджак и к труду неспособная поза
ведь не ленин же я чтобы круглые сутки в гробу
да и ленин бы был нулевая отечеству польза

хоть бы даже и памятник на постаменте таком
как в районе где массы подвыпив гуляют под вечер
вот и стой истуканом с фонариком и молотком
ни болта не подтянешь и рельсы остукивать нечем

тут порой за неделю вообще не расстелешь кровать
все спешишь и стучишь и составы несутся полями
что за прок ветерана путей глубоко зарывать
и чего вы прилипли ко мне со своими кролями

что в гробу я видал это книжки и ваше кино
хоть оно без привычки и умное слово останки
западло мне валяться когда моя смена давно
если ясно что все под откос на моем полустанке

баллада о солдате

там где с адом наш свет одинаков
на отшибе юдоли земной
мы с потемкиным брали очаков
сам вперед и братишки за мной
не малюткам рассказывать на ночь
лучше правду за вымя не трожь
что творил там григорь александрыч
за геройство таврический тож
как вломились сусалами в сажу
под мортирный твердеющий гром
одному губернатору даже
обналичило яйца ядром
как подводами после возили
по сей день чуть вздремну и кладу
эти трупы во славу россии
примерзать на лимане ко льду

возвращусь я к тому водоему
где из брюха змеится кишка
чтоб из фляжки а как по-другому
угостить напоследок дружка
опознаю жмура без усилий
сам же камнем пометил тела
и скажу ему здравствуй василий
хоть и смертью убило тебя
и конечно увижу ахмеда
как я саблей его пополам
для чего-то в ту пору победа
над ахмедом понравилась нам
на курьерских доставили спешно
сударыне матушке весть
и всплакну потому что конечно
я тот самый василий и есть

говорят что однажды растает
от последнего солнца вода
государыня снова расставит
нас в былые шеренги тогда
мы покойники страх нам неведом
потому-то подгнивший дружок
и сидим у лимана с ахмедом
с остальными костями в кружок
напою бусурманского братца
научу его залпом до дна
скоро снова за сабельку браться
да поди заржавела она
кто преставился не умирает
и сметая ненужную плоть
размерзающих нас озирает
одноглазый в медалях господь

в саду

товарищ чепурный спускается в сад
со смычки с народным китаем
здесь туши казненных на грушах висят
а мы остального пытаем
нам добрыми быть неудобно при них
без строгости мудрой нельзя им
не то белочех он не то белонивх
огонь разведем и узнаем
проверит товарищ щипцы и тиски
и сядет отечески с краю доски

товарищ чепурный такой же как мы
на нем чешуя и копыта
четверка очей из-под лобной каймы
сноровка на курсах набита
а ветер колышет на грушах зады
до грунта сгибаются груши
мы суп мастерим из амурской воды
и визг в этом супе все глуше
нам отдых душевный лишь снится порой
закончим допрос и начнется второй

а сад в пароксизме весенней красоты
кукушка колдует в дупле нам
мы видим товарищ взглянул на часы
и пленного в темя поленом
не скоро свободной проснется страна
в наш век бестолковый и бурный
где правда на свете какая она
ответь нам товарищ чепурный
мы как никогда к этой вере близки
хоть в потном труде и свирепы
чем тверже в работе щипцы и тиски
тем ярче духовные скрепы
запомните люди счастливой земли
как груши всю в приамурье цвели

* * *

попутчик совал сапоги в стремя
над шапкой свистела эпоха
была у нас в детстве родная страна
вот только запомнили плохо
мы братья-найденныши нас в решете
спасли бессловесными добрыми те
кто после вскормил на чужбине
и мы возмужав возвращаемся в дом
за садом вишневым за рыбным прудом
наверное в ближней ложбине

вот спешили оба с крыльцом наравне
к поре возвращения с поля
и видим вся хата пылает в огне
в руинах амбар и стодоля
вперяясь орбитами в блеск пустоты
вповалку что люди лежат что скоты
забрали всю утварь и сбрую
обугленным цветом сирень отцвела
винтовку мой брат отстегнул от седла
и мне предлагает вторую

отныне мы воины в битве святой
рабы безнадежного дела
последние мстители родины той
что нас полюбить не успела
не надобно нам ни попа ни врача
покуда винтовка в руках горяча
мы поздно припали к основам
но жизнь продолжается правда как сон
на том языке на котором ни он
ни я не владеем ни словом

отречение

*Сосуд она, в котором крыса та,
Иль крыса та, которая в сосуде?
Ю. Гуголев*

сегодня в нью-йорке пасхальный парад
в толпе ликованья излишек
стеной полицейские в центре подряд
повсюду снопы фотовспышек

поэтому дети в восторге таком
и нikon у маменьки меток
и папенька-тролль облизнется тайком
на медленный марш мажореток

гульба не обуза забава не труд
хоть свет по краям и надтреснут
обещано им что они не умрут
а в прежних личинах воскреснут

и нынче попутно детей веселя
они по законному праву
явились заверить свои векселя
на вечную эту халяву

но грустная крыса потемок дитя
от спазмов голодных слабея
на девок танцующих палки крутя
глядит сквозь решетку сабвея

она не имеет бессмертной души
погрязла в подземной параше
лишь кошечки в вечность забрать хороши
собачки и белочки ваши

здесь всякий избранника жребием горд
но крыса несчастная эта
из мусорных груд на загробный курорт
вовек не получит билета

небесный патруль не спасет грызуна
он ноль в вашем мире отсталом
до вечера жизнь оборвется одна
пища под ревущим составом

прощайте я в ересь вселенскую влип
молитвы ликующей вместо
излил как придется кощунственный всхлип
из уст на правах манифеста

пусть празднуют массы загробный подъем
скорбя о щенке и котенке
мы с крысой печальной в обнимку пойдем
в ее роковые потемки

невеста

в четверг доели сухари и гречу
но путники из первого звена
внезапно объявились нам навстречу
с известием что впереди стена

а мы со скарбом с детскими вещами
там типа жизнь у нас и все дела
но в точности сбылось как обещали
стоит стена из черного стекла

где лесу быть положено и речке
там черный гребень до небес высок
одна с досады камешком в колечке
царапнула и весь алмаз в песок

мы побросали все что с нами было
в траву упали замертво и спать
с утра доели лебеду и мыло
дождем запили повернули вспять

навстречу вновь растерянно мигая
доносят хоть и в чем тут их вина
разведчики что там теперь другая
стеклянная стена возведена

вот мы стоим кругом луга опрятно
ромашки всякие но в сердце боль
туда нельзя заказан путь обратно
езде стена и можно только вдоль

бликуют стены в отраженных лунах
за правой родина за левой дом
а на руке одной из наших юных
червонное кольцо с пустым гнездом

беспалой лучше стань или безрукой
как рыба в черном русле сатаны
невеста обрученная с разлукой
по обе временные стороны

книга бытия

в облаках при крылатой охране
в безмятежном режиме игры
на своем допотопном фортране
демиург сочиняет миры

потребляет траву и напитки
за исходник полушки не дашь
после третьей неловкой попытки
у него получается наш

на глазах возникает природа
сонный плес деревянный настил
даже если погрешности кода
незадачливый бог допустил

здесь мы ветер почувствовав свежий
первобытной покорны змее
ходим под руку вдоль побережий
от внезапной любви не в себе

сложных чувств непочатая залежь
россыпь звезд над вечерней рекой
если мира другого не знаешь
поневоле полюбишь такой

в твердой вере века пребывая
что господь милосерден и благ
даже если черта гробовая
на поверку не фича а баг

обещание

в чикаго под землей в автобусном разъезде
там твердь бетонная подвешена дрожа
давили пинту мы с одним скитальцем вместе
мне случай подослал веселого бомжа

приянь внезапная в груди изверглась этной
когда мы с ним махнуть успели по второй
он обаял меня той мудростью безвредной
которой простаков снабжает жизнь порой

узнав что я поэт игрушка вдохновений
что лира мой удел и муза мне жена
он мигом угадал что я реальный гений
и что судьба моя навек предрешена

что сбудется точь в точь о чем ни попроси я
мы оба крякнули и выпили до дна
что вскоре обо мне узнает вся россия
а если повезет и не она одна

с той памятной поры уж тридцать с лишком весен
как лемминги в провал летит за годом год
а я упорно жду от ревности несносен
когда же обо мне услышит мой народ

я выстоял свой срок теперь должно быть скоро
порой мерещится они уже видны
ценителей моих почтительная свора
с валдайских выселков из снежной пелены

от уренгойских вахт стремительная смена
в компактных черепах пытливые мозги
и под руки меня уводят постепенно
навстречу вечности для славы и молвы

в хрустальный мавзолей на вымысле на факте ль
где сфера вечных скреп обнесена стеной
и делегат небес полярный птеродактиль
скликает мамонтов на вышке нефтяной

* * *

нет ни оклика вдруг ни крика
словно в жидком стекле дома
на столе распахнулась книга
и читает себя сама

занавеска парит как вымпел
сквозь незапертое окно
словно кто-то из дома вышел
или не было никого

очертания ветра строже
на краю подступившей тьмы
уж не мы ли здесь жили тоже
если верное слово мы

на диване где ты сидела
в сигаретном седом дыму
оттиск в воздухе слепок тела
все мерещится моему

сквозь аквариум контур криво
до бровей натекло стекла
только слышно как шепчет книга
перелистывая себя

как сюжета бежит кривая
огибая тоску и спесь
полый воздух в тела сбивая
из которых он вышел весь

стартовая черта

в перерыв с коллегой махнувши лишку
я забрал свою трудовую книжку
институт был прокурен тих и огромен
с волосатым вахтером в укор горилле
и редакторша с грудью четвертый номер
вот с кем жаль что так и не договорили

в этом детском городе с днепрогэсом
не шагал я в ногу с прочим прогрессом
ведь журили уже в одном кабинете
чуть живой улизнул от майора-гада
но с расчетной суммой на средства эти
было чувство что быстро добавить надо

под грибками на жданова с жаждой стоя
я не помнил откуда пришел и кто я
после третьей дозы вполне дубиной
хоть не истина спирт но слепая сила
я подбил баланс и пошел к любимой
чтобы смысл вселенной мне объяснила

объяснила но скомканно и немного
что выходит замуж за педагога
с кем и станет судьбу коротать до смерти
а не с метафизической знаться пьянью
пусть и с записью в сереньком документе
что свободен по собственному желанью

в этом детском прошлом подобном раю
я сiju с портвейном и добавляю
слишком все мы на расставанья скоры
не пропаяны толком контакты в схеме
хоть суешься со многими в разговоры
не получится договорить со всеми

и пока гремела в кафе посуда
я работал над планом рвануть отсюда
я не знал что уже не смогу вернуться
на могилы прежних друзей и родин
маневрируя долькой лимона в блюдце
повторяя в уме что теперь свободен

романс разочарования

когда я однажды влюбился
забыл имяотчество жаль
в осенней одессе у пирса
с напрасными астрами ждал
наверное все-таки света
точнее назвать не смогу
но вся биография эта
надсадно буксует в мозгу

гораздо отчетливей надя
в троллейбусе встретил ее
и все же на прошлое глядя
не верю никак что свое
на глупые эти романы
истратил количество лет
а яблоны фрукты роняли
и вот я морщинистый дед

наверное аж тридцать девять
в судьбу мою врезалось их
и даже хоть трудно поверить
женился на некоторых
а ныне дряхлеющий гений
уходит в последнюю тьму
с букетом поникших растений
они не помогут ему

вся морда цвела от загара
и радость казалась близка
теперь же окрестность сахара
осыпавшегося песка
в дверях санитары без стука
и в арктике мерзнут моржи
ах жизнь бесполезная сука
зачем ты была Расскажи

двойник

к приходу ночи прибыли в мисхор
сквозь сон автобуса в годину бденья
туманы шли с поросших шерстью гор
к столу как пристальные привиденья

стоял ноябрь последний год когда
он жил уже предстартовым отсчетом
но за грядой другие города
существовали кое-где еще там

спросонок астры мокрые цвели
скамейка тенью плавилась тигриной
на этом крайнем выступе земли
добытом для него екатериной

еще он час в саду сидел потом
портвейном опечаливая печень
и рассуждал с туманами о том
что нынче вспомнить некому и нечем

он скоро отбыл из страны татар
история сомкнулась вековая
когда отверг екатерины дар
и бред петра и бремя николая

но был бессилен отгадать меня
с дистанции длиной до полувека
и уходил природу не виня
в судьбе на два отдельных человека

в урочный час он явится за мной
поводырем в края где снова местный
поскольку остается крым небесный
тому из нас чей отнят крым земной

КОТЕНОК

мать на дворе подобрала котенка
и он уже играет с нашим псом
сама в прихожей возится в потемках
схожу и разузнаю обо всем

хвостатый гость кромсает шарф на части
сулит собаке максимум вреда
какой он странной синеватой масти
таких же не бывает никогда

вдруг стало стыдно что она так поздно
сквозь горестные сумерки одна
за окнами беззвучно и беззвездно
а я вздремнул и не зажег огня

прошла на кухню прикрутила воду
там неисправен кран последний год
у нас же никакой собаки сроду
и с кем тогда играет этот кот

я обвожу до судороги глаза
все что напрасно зрению дано
и неуклюжая из горла фраза
тебя здесь нет ты умерла давно

в свидание не веря обоюдно
стоим она качает головой
и так молчит что не расслышать трудно
а ты уверен что еще живой

вдруг в двери операторская группа
скорее свет мы станем вас снимать
и объектив оскалившийся глупо
в котором мы утонем я и мать

в творении изобличенной боли
последнее устройство таково
что призраки играют наши роли
когда нас нет на свете никого

когда все круче времени ухабы
но бесполезен слух бессилён глаз
и знание что этот кот хотя бы
реальный факт когда не стало нас

военная песня

в ту пору шла столетняя война
над пиками клубилось небо низко
и тысячами наши имена
вычеркивали лучники из списка

он таял сколько новых ни внеси
на человечьи участи короче
нас нет в живых мы пали под креси
отчислены в чертоги вечной ночи

но волнам атлантическим равны
у скал бискайских в их упрямстве хмуром
мы в бретиньи просрали треть страны
и снова полегли под азенкурром

но все же среди нас взошла одна
звезда с кирасой сросшаяся кожей
через ламанш предательский видна
в сердца врагов вселяя ужас божий

мы все пределы отчие вернем
дотоле не иссякнет в мышцах сила
доколе ясно полночью как днем
от пламени куда она вступила

стой маяком из алого стекла
пусть враг позорные мусолит басни
мы победим пока ты нам светла
до той поры повремени не гасни

развенчание науки

едва озаренная первой звездой
возникла вселенная что ли
она оставалась вначале пустой
в ней не было горя и боли

в ядре обретая случайный причал
протон из неопытных первых
восторга от ужаса не отличал
и жизнь не держалась на нервах

а нынче любую возьми отвори
из книг очутившихся рядом
там наша кровинка мадам бовари
крысиным питается ядом

ахейский залез на кассандру бандит
противная совести поза
и анна аркадьевна вечно глядит
в железный оскал паровоза

простой дровосек или доктор наук
от немочи корчатся тяжкой
под балкой зубами скрежещет паук
питаюсь прохожей букашкой

в червивой земле обретают покой
что крот трудовой что синица
природа не вправе остаться такой
скажите что это нам снится

что голая вечность сияет мудра
в ней нет паровоза и яда
а в атоме нет никакого ядра
и атома нет и не надо

песня взлетной полосы

я в юности раз очутился
в сургутском аэропорту
сквозь марта метельные числа
с похмельным ущербом во рту

сперва потолпившись у крана
свалился в углу как тюлень
укутанный в кокон бурана
где вылет застрял на тюмень

и сутки застойные эти
продрых коммунистов кляня
хоть было не менее трети
бутылки с собой у меня

мне снилось мучительно лежа
у стенки с затекшей ногой
что я не похмельная рожа
а кто-нибудь сильно другой

я думал ты помнишь мамурра
в ростральном своем далеке
как мы в цитадели гламура
швыряли хрусты в кабаке

а после на фирминской даче
конвой перечеркнутых дней
ты был казначейства богаче
а я богадельни бедней

клиентов умильные лица
твой греческий дроля-пострел
и эта впоследствии жрица
ее еще бродский воспел

под занавес с лесбией двое
покуда я мешкал в двери
хоть mentula прозвище злое
для друга не жалко бери

но тут я обратно проснулся
кругом простирался застой
зачапки в кармане коснулся
она оказалась пустой

пурги малярные сети
за окнами область бела
неправда стояла на свете
неправда всегда и была

в обширном владении отчет
от моря до северных гор
но вылета не было впрочем
и нет говорят до сих пор

воренок

не видел он и потому не плакал
в окошке слюдяная пелена
когда на площади сажали на кол
заруцкого его опекуна

на зорьке выволакивали рано
тяжелый ворот времени вертя
трехлетнего царевича ивана
двух самозванцев общее дитя

в тулупах коченеющие сами
сквозь отороченную стужей тьму
свидание с умершими отцами
они в петле назначили ему

в кольце конвоя где она стояла
с тряпичным чучелком мослами вниз
лишь шепотом *supeczki* простонала
когда он с перекладины повис

а мы еще не понимая кто мы
доска судьбы от инея бела
из-под земли карабкались как гномы
на свет где перекладина была

где медленной истории водица
стекала ввысь из выколотых глаз
куда однажды суждено родиться
особо провинившимся из нас

набат проснулся вороны взлетели
из туч сверкнула черная стрела
а тельце все качается в метели
а ворот все вращается скрипя

но там за тучами в хрустальной сфере
окинув взглядом жалкое жнивье
иван-царевич на летучем звере
воды и яблок ищет для нее

пропал на шее след пеньки и мыла
последний снег ложится как смола
на землю где она сперва царила
а после вместе с нами прокляла

острова

император наш огнеликий ши хуанди
сорок лет ревнивое сердце носил в груди
а на сорок первый в недугах врача вина
бросил заживо тиграм и звать приказал меня
я к стопам и ни жив ни мертв а он говорит
что к бессмертию путь непрост и тропа не та
гематит и золото киноварь и нефрит
он вкушал как советовал съеденный все тщета
что уже невозвратный дух норовит в полет
и гремит барабан и печаль цисяньцинь поет

собери говорит мой простертый торс оглядев
столько сотен юношей сколько и сотен дев
донесла до наших ушей говорит молва
что за морем бессмертные спрятаны острова
на одном из которых века обитает тот
чья нетленна плоть и алмаза тверже скелет
за мгновение он человеческий держит год
припади к стопам и вымоли нам секрет
снаряжай порезвей караван кораблей и в путь
ну а мы покуда опять наляжем на ртуть

поступил как велели и вечность стала ясна
с той поры как нетленный нам явь отделил от сна
а жестокому ши чтобы сердце разбить верней
мы вернули с отказом обманный корабль теней
дескать за морем только туман а спасенья ноль
и последняя жизнь растаяла в нем как воск
только известь теперь он уголь один и соль
командир терракотовых из подземелья войск
до скончания света недвижим последний полк
барабан прохудился и цисяньцинь умолк

вот уж третья с тех пор накатила тысяча лет
никакого в бессмертии цвета и вкуса нет
ни единой ошупи в нем ни вершка длины
даже тени смертных из вечности не видны
сквозь стеклянный воздух не полыхнет мотылек
терракотовый полк до костей пробрала зима
и земля в которую гибкий мой торс не лег
не дождавшись его постепенно мертва сама
где блуждает с посохом дух переживший мир
озирая вверху караван перелетных дыр

продолжение следует

николай наш васильевич гоголь
в промежутке отпущенных лет
понаписывал мало ли много ль
мертвых душ продолжения нет
оставляем на авторской совести
суесловия тщетную течь
если есть продолжение повести
продолжение следует сжечь

в этой жизни течении скором
тиражами штурмюя печать
так увлечься легко разговором
что утратишь искусство молчать
если точка в конце предложения
исключает дальнейшую речь
то не нужно уже продолжения
продолжение следует сжечь

отпорхав как болтливая сойка
заглянув этой правде в глаза
понимаешь что сказано столько
что забрал бы назад да нельзя
есть рецепт избежать поражения
в ножны вовремя вложенный меч
и в ответ на соблазн продолжения
продолжение следует сжечь

эта прежняя жизнь только средство
для впадения в детство
пузыри что из десен пускали
в идентичном оскале
плод либидо надгрызенный вместе
в том советском подъезде
забывается в сумерки норов
всех существ и приборов
мурава на лугу непримятом
где работал приматом
отморозишь любовь в феврале
обойдешься протезом
на прозекторском голом столе
обезьянка с надрезом

КНИГИ ЧИКАГСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА «POEZIA.US»

МОЖНО ПРИОБРЕСТИ НА САЙТАХ КОМПАНИИ AMAZON:

FRANCE: <http://www.amazon.fr>

GERMANY: <http://www.amazon.de>

ITALY: <http://www.amazon.it/>

UNITED KINDOM: <http://www.amazon.co.uk>

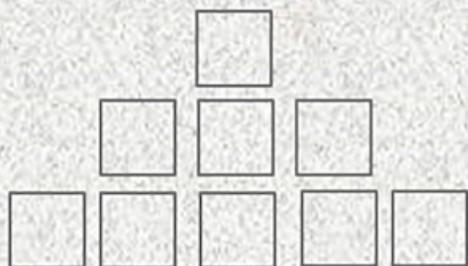
USA: <http://www.amazon.com>

НУЖНО ВОЙТИ НА ОДИН ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ САЙТОВ

И ВВЕСТИ «POEZIA.US» В ПОИСКОВОМ ОКНЕ.

КНИГИ ТАКЖЕ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ НА САЙТЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

<http://www.poezia.us>

СЕРИЯ «135 СТИХОТВОРЕНИЙ»